Россійская Коммунистическая Партія (большевиковъ).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕВГЕНИЯ БОШ.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НА УКРАИНЕ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „КОММУНИСТ“.

Москва.—1919.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

До мартовской революции национальное движение на Украине развивалось крайне слабо. Политически и экономически тесно связанная с Россией, она являлась как бы неразделькой частью ее. Самодержавный режим, в корне убивавший всякие попытки национального самоопределения, подавлял национальное развитие, а родственность языка, хозяйственная слитность и общность государственных законов сглаживали национальное неравенство, спаивали Украину и Великороссию в одно целое и объединяли рабочих и крестьян в единой революционной борьбе.

Только с падением царизма и крушением самодержавного режима, с первых дней мартовского переворота национальная идея получает право на свободное развитие. И между двумя сжившимися народами искусственно прокладывают национальные границы, в жизнь украинских рабочих и крестьян вкрапливают идею национальной обособленности. С этого момента революционное движение Украины принимает несколько иные, отличные от России формы.

Создавшиеся своеобразные условия в связи с национальной борьбой и поражением Советской Украины заставляют нас пересмотреть этот период революционного движения на Украине, дабы в новой нашей борьбе за Советскую власть мы могли пользоваться опытом прошлого и таким путем избежать тех часто роковых ошибок, которые неизбежны в каждой массовой борьбе.

На основании старого опыта и оценки настоящего нам необходимо выработать формы новой, не менее решительной борьбы, и, если моя брошюрка хотя немного поможет нашим товарищам в этой работе, я буду считать время не потерянным и цель достигнутой.

Август, 1918 г. **Автор.**

I.

Первые дни революции и организация Центральной Рады.

„Только социалистический союз трудящихся всех стран устранит всякую почву для национальной травли и грызни“.

Тов. В. И. Ленин.

(Всерос. съезд военного флота, ноябрь 1917 г.)

В первые дни мартовского восстания украинский рабочий и крестьянин находился в состоянии предутренней дремоты, он еще не был разбужен набатным призывом могучей Российской революции. Киев и вся Украина не участвовали в этом первом бою рабочих и солдат. Отрезанные от авангарда революции, рабочие и солдаты тревожно прислушивались и ждали, ждали, что скажет красный Петроград. Этим моментом тревожного выжидания воспользовались слуги буржуазии. Все было сделано для того, чтобы вести из Петрограда проходили только через их руки. И когда, наконец, до масс дошла весть о падении Николая и образовании Советов Раб. и Солд. Депутатов и Временного Правительства, то все официальные и общественные учреждения были готовы к приему новой власти. Ими немедленно были приняты меры к предотвращению какого бы то ни было революционного движения масс. С этой целью все завоевания революции проводили сверху: спешно заменяли старые учреждения новыми, заменяли николаевских слуг перекрасившимися в красный цвет либералами и услужливо извещали массы о новых „свободах“. Очень осторожно и умело опекали рабочих и солдат и направляли движение. Прилично, по казенному устроили в Киеве демонстрацию и отпраздновали победный день революции. И так же прилично, всячески стараясь не возбуждать массы, сторонники нового прави

тельства направляли выборы в Советы Раб. и Солд. Депутатов.

Рабочие и солдаты, особенно рабочие, насторожились, они видели, что их обходят, и поэтому ко всему подходили крайне недоверчиво. Даже к выборам в Советы относились с большой осторожностью, в результате чего выборы в Киеве, столице Украины, проходили вяло—отсутствовал боевой революционный подъем и во всем чувствовалась опека сверху. Кандидаты выставлялись в большинстве случаев случайные, так как избиратели были крайне осторожны, не знали, что еще из этого выйдет, не получится ли ловушка пятого года. Первые заседания Совета и И. К. проходили почти безрезультатно, собиравшиеся делегаты недоверчиво относились друг к другу и осторожно и неохотно принимали те или другие решения. При обсуждении самого простого вопроса ходили вокруг да около, обсуждали длинно и в результате решение не принимали, а если принимали, то крайне неохотно. Привычное недоверие давало себя знать и здесь, а опека сверху убивала живую инициативу и самодеятельность масс и сводила работу на нет.

Еще худшая картина наблюдалась в гарнизоне. Там командный состав с первого момента взял все в свои руки. По совету офицеров гарнизонное собрание постановило избрать Совет Солдат. Депутатов особо от Сов. Р. Д. на пропорциональных началах с командным составом. Таким образом, в городе организовались два Совета—один рабочий, другой солдатский, ничем друг с другом не связанные—ни общим собранием, ни единым постановлением. Солдат всячески пытались изолировать от рабочих, предвидя нежелательное для них влияние последних. И первое время совсем нетрудно было добиться разобщения,—солдаты охотно шли на эту провокаторскую уловку. В дальнейшем солдаты почувствовали вред отдельного существования и всячески пытались сорвать искусственную преграду и слиться с Советом Рабочих Депутатов. Принимались в одном и другом Совете постановления о слиянии, но в результате работа общая не налаживалась. Разобщенные в начале Советы никак не удавалось объединить в течение всей работы. До октябрьской революции постановления Совета Рабочих Депутатов срывались голосами солд. депутатов. То, что происходило в Киеве, наблюдалось и во всей Украине. Отсутствие непосредственной революционной борьбы в первые моменты революции сказывалось во всей последующей работе. Медленным путем, в повседневной борьбе, а не в горячей схватке, рабочие и солдаты Украины сознавали единство своих интересов и пробуждались к творческой работе.

Но рядом с осторожным движением рабочих и солдат началась горячая работа социал-шовинистов и национальной демократии, энергично принявшихся за дело строительства своих народных организаций. Во все уголки Украины помчались гонцы для организации национальных ячеек,—в деревнях создавались спилки, в войсках—войсковые рады, рынок заполнялся украинской литературой, широко трактовавшей о необходимости создания своего национального центра. Подготовительная работа по созданию такого объединяющего органа велась всеми национальными организациями и всеми национальными партиями. Национальные, так называемые, социалистические партии, украинск. соц.-дем. и укр. соц.-рев., энергично поддержанные националистически настроенной украинской интеллигенцией и даже украинской буржуазией, далеко не националистически настроенной, а руководимой чистым расчетом, деятельно и дружно взялись за творческую работу создания своей „родной" Украины. О формах существования покамест только спорили. Укр. соц.-дем. отстаивали национальную автономию, соц.рев.—федерацию, а буржуазные националисты—самостоятельное государство, интеллигенция колебалась между первыми и последними. Но идея самостоятельного государства имела очень немного сторонников. В период Керенского большинство склонялось к национальной автономии и только с октября месяца идея самостоятельного государства пользуется большими симпатиями даже „социалистов". И тут уже, в этой начальной работе, вполне отчетливо выявилось желание украинских националистов опереться на крестьянские, а отчасти и солдатские массы, рабочие оставались в стороне,—их рассматривали, как пришлый элемент, которому чужды национальные интересы. Национал-демократы и социал-шовинисты пытались разжечь среди широких масс,—особенно в деревне и армии,—идею своих национальных украинских интересов, особых от интересов российской демократии. Пытались проложить грань между Украиной и Великороссией, углубить и расширить рознь между ними. Средствами не брезговали. „Великороссы угнетатели,—неслось из рядов шовинистов,—они живут на счет украинского народа. Довольно терпели, теперь мы должны требовать, чтобы все земли Украины принадлежали только украинскому народу,"—какому классу этого народа, об этом, конечно, предусмотрительно молчали.

Но работа натравливания не встречала в народных низах особого сочувствия, родственность языка, одинаковое положение как украинских, так и пришлых рабочих и крестьян, единые условия на фронте не создавали почвы для ее

успеха. Зато все мелкие собственники, все деревенские кулаки, жаждущие как можно больше урвать для своего кармана от всех новшеств, пошли весьма охотно на призывы националистов. Для этого слоя вся политика националистических организаций была близка и приемлема. Керенский в их представлении являлся благодетелем, предоставившим им свободу действий. И в то время как Рабочие и Солдатские Советы, недоверчиво и больше подчиняясь своим идейным вождям поддерживали Временное Правительство „постольку, поскольку", национальные организации видели единственное свое спасение в этом Правительстве и горячо отстаивали его в этот период. Государственная власть их озабочивала больше, чем народ, именем которого они хотели говорить, так как при благосклонном отношении буржуазного Правительства отечественные демократы рассчитывали воспитать в народе национальное самосознание.

В этой работе развития национального сознания и в спорах о формах „самоопределения" Украины для национальных „социалистических" партий проходит весь период ожесточенной борьбы Советского меньшинства с большинством. Активного участия в работах Советов украинские социал-демократы и социал-революционеры не принимали и участвовали больше формально. В борьбе большевиков с меньшевиками, бундовцами и соц.-революционерами держатся в стороне, при обсуждении боевых вопросов пытаются соблюдать полную нейтральность. „Моя хата с краю, я ничего не знаю",—говорят они своим видом в моменты острой борьбы. Мнение свое в Совете высказывают осторожно, [illegible] время лавируя между большинством и меньшинством, но при голосовании почти всегда идут с правой частью, за редкими исключениями воздерживаются и никогда не голосуют с большевиками. Вся их работа в Советах носит характер чисто внешний. Внимание их сосредоточено на создании своего национального Совета, что им скоро и удается осуществить.

Вместе с буржуазными общественными деятелями они организуют Центральную Раду или Центральный Совет, объединяющий все националистические украинские организации. Это учреждение создается из представителей различных национальных организаций, отдельных общественных деятелей и представителей партийных организаций украинских с.-д. и у. с.-р., а также партийные представители от национальных меньшинств—великороссов, евреев, поляков и др., пропорционально их численности. Областной Комитет (большев.) Юго-Западного края высказался против участия в Центральной Раде, меньшевики бундисты и с.-р. послали

своих представителей. Задачи этого „Совета“—самоопределить Украину [1]).

Уже по составу Национального Совета Центральной Рады можно судить о его политике,—она была не только соглашательской, но направлена исключительно в интересах украинской буржуазии и кулачества.

Украинские с.-д. и с.-р., принимавшие деятельное участие в создании Центральной Рады, хотя и считали себя левым крылом в Национальном Совете, но в действительности не представляли сколько-нибудь серьезной оппозиции, а во всем и целиком шли за национал-демократами. Правда, политика украинских с.-д. и с.-р. является сколком политики российских м-к. и с.-р., но еще и с примесью националистического духа. Политика большевиков принималась ими только постольку, поскольку последние требовали полной свободы самоопределения для всех, так или иначе угнетенных народов, по всем же остальным вопросам и во всех политических выступлениях они шли вместе с меньшевиками, бундовцами и правыми социалистами-революционерами. Даже в тот момент, когда Керенский запретил съезд украинских солдат, украинские социал-шовинисты в экстренном заседании Совета Р. Депутатов, благосклонно выслушивая критику большевиков, вырабатывали резолюцию с бундовцами, с.-р. и м-к., требовавшими отложить решение вопроса национального самоопределения Украины до Учр. Собрания и считавшими постановление Керенского вполне целесообразным и своевременным. Такая оппозиция по существу и не могла играть никакой роли и в буржуазно-национальной Раде, ею пользовались просто как средством для лучшего надувательства масс.

Взаимоотношения между Советами Рабочих и Солдатских Депутатов и Центральной Радой носило весьма неопределенный характер. Советы относились к Раде снисходительно, как к национальной затее, не имеющей серьезного политического значения. Центральная Рада со своей стороны не лучше относилась к Советам, но при этом она все же зорко следила за их деятельностью, учитывая малейшее изменение в соотношении сил борющихся Советских партий, чего совсем не делали Советы. И осторожно прикрываясь полной лойяльностью, упорно проводила помимо Советов свою национальную работу

[1]) В дальнейшем Рада была пополнена представителями от крестьянских спилок (чисто кулацких организаций) и войсковых рад (солдатских национальных Советов)—в большинстве случаев дутые организации. После этого она считает себя вполне правомочным народным представительством.

на местах. Как осторожный лавочник проделывает свои темные делишки с приказчиком оптовика, а потом заглядывает в глаза „благодетеля", не узнал ли он чего, не разгневался ли, так и националистическая буржуазная Рада почтительно изгибалась и перед Советами, и перед Правительством Керенского, проделывая под шумок свои предательские дела. Эта политика двурушничества, угодничанья и соглашательства привела в июльские дни, с одной стороны, к дружескому сговору с Правительством Керенского, а с другой—к поддержке, правда, больше платонической, большевистского выступления. Хотя запрещение солдатского украинского съезда и откладывание решения украинского вопроса до Учредительного Собрания не оставляли сомнения на счет намерений Правительства Керенского-Церетели—не выпускать из своих рук Украины, а лозунги большевиков в демонстрации не оставляли сомнения на счет их решения бороться до конца с Правительством Керенского, но это не помешало им поддерживать и тех и других. Правда, и в этих выступлениях, как и во всей политике, не было ясности и определенности. Так, на совещании с представителями Правительства по вопросу о самоопределении Украины было достигнуто полное соглашение, а вместе с тем через несколько дней в Петроград отправила специальную делегацию с весьма двусмысленным наказом. Та же участь постигла и солидарное выступление с большевиками в демонстрации. Украинские социал-шовинисты принципиально принимали участие и вместе с тем и не принимали—случайно (!?) оказались не в одной колонне с большевиками, а отдельно, и в другой части города.

Ясной, определенно выраженной политической физиономии Центральная Рада не имела, как и полагается сидящей между двух стульев национальной буржуазии, хитрила, увертывалась, пытаясь на борьбе двух борющихся сил, Советов и Правительства Керенского, построить свое благополучие. Не имея опоры в массах, она пробовала укрепить свое существование посредством обмана и хитрости.

II.

Октябрьские дни и национальное правительство—Генеральный Секретариат.

Сорганизовавшись в самом начале, как Национальный Совет, Центральная Рада в первое время не играла никакой роли в общей политической жизни Украины и даже с внешней стороны как будто не пыталась влиять на то или иное направление ее. Но по вопросу национальной жизни с первого дня своего существования Рада считала себя единственной выразительницей желаний украинского народа. Все переговоры с Временным Правительством на счет форм дальнейшего существования Украины—автономна или самостоятельна будет она—велись исключительно только ею. Советы оставались в стороне и не принимали участия. Проекты и условия, предлагаемые Правительству, Центральная Рада не считала нужным вносить на предварительное обсуждение в Советы и самое большее, что делали ее политики,—это выносили на обсуждение специальных собраний Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и общественных организаций, где фракция большевиков принципиально не принимала участия в голосовании. Резолюции, принимаемые на этих объединенных собраниях, не были для Рады обязательны, а служили только материалом. Все это, однако, не мешало Раде всегда выступать от имени украинских крестьян, солдат и рабочих, от имени всего украинского народа. Посылались ли гонцы в Петроград, предлагались ли условия сожительства, заключался ли договор с Временным Правительством,—всегда все это делалось от лица Украины. Все, что касается национального самоопределения Украины, являлось как бы монополией Рады, и она имела право говорить и действовать от ее имени. Не вмешиваясь в общую политику и не ведя никакой активной политической борьбы, она, естественно, и не оказывала никакого влияния на ход развивающихся событий. Всю полити-

ческую работу, все руководство ни на минуту не утихавшей классовой борьбы вели Советы, которые и направляли молчаливо внутреннюю работу. Сфера влияния между Советом и Центральной Радой была разделена: за Советами общая политика, а за Центральной Радой организационная—подготовительная работа по созданию национальной области, автономной, а если понадобится, то и „самостийной". Поддерживая Правительство Керенского, Рада в то же время открыто не выступала против требования б-ков „Вся власть Советам". А украинские социал-демократы кокетничали с большевиками, предлагая при выборах в Городскую Думу голосовать за свой список и список б-ков. Ко всем правительственным чиновникам и комиссарам Керенского Рада относилась внешне весьма почтительно и дружелюбно, подчеркивала, где только возможно, что мое дело сторона, я только насчет национального самоопределения. И даже в последние недели, когда все чаще и чаще начинал звучать клич: „Долой министерство Керенского", Национальный Совет пытался с виду оставаться совершенно нейтральным. Но к этому времени начинала уже обозначаться его внутренняя, строго конспиративная работа по срыву Советов Раб. и Солд. Депутатов. Украинская печать крайне осторожно подготовляла массы к восприятию того взгляда, что Советы, собственно, не могут вмешиваться во внутреннюю жизнь Украины, что это учреждения Великорусские, которые и должны вести политику Российскую, незатрагивающую интересов украинского народа. Чем ближе подходили октябрьские дни, тем настойчивее звучал призыв: „Все украинцы объединяйтесь вокруг вашего Совета Центральной Рады". Но против Советов Рабочих и Солдатских Депутатов открытых выступлений пока что не было. Как насторожившийся хищник, Рада выжидала удобного момента, чтобы покрепче схватить добычу за горло.

Воспользовавшись распоряжением Керенского организовывать ударные батальоны, Рада деятельно принялась за это весьма выгодное дело, надеясь под шумок подготовить свои национальные ударные батальоны, готовые беспрекословно исполнить все ее приказания. Спешно набирались полки из совершенно случайных лиц, большей частью люмпенпролетариата и солдат, бежавших с фронта и укрывающихся от грозящего им наказания, которых прельщало обещание, что украинские полки на фронт не пойдут, и готовился удар Советам. Составленные наспех батальоны, совершенно негодные для серьезной борьбы, для всевозможных авантюр являлись прекрасным орудием в руках ловких фокусников из Центральной Рады. Набранные с бору да с

сосенки, с большим количеством авантюристов, ищущих приключений и легкой наживы, зависимые целиком от милости Рады, они являлись слепым орудием в руках националистов, пользовавшихся ими для всевозможных провокационных целей.

Не имея сил, чтобы вступить в открытый бой с Советами, провокаторы из Центральной Рады пускаются на хитрость. И в ночь с 4-го на 5-е июля „полуботьковский“ полк—особенно странный—занимает государственный банк, почту, арсенал, квартиру Оберучева и арестовывает несколько человек из должностных лиц.—все это проделывает как-будто по собственной инициативе полка, как будто в виде протеста против действий Оберучева, требовавшего отправки полка на фронт. Однако при расследовании больше наталкивались на заявление, что Рада плохо кормит и не исполняет обещаний. В целом все заявления получались сбивчивы и неясны. Но полная растерянность восставших и незнание, что им делать дальше, вскрывали действительную цель не „полуботьковского“ полка, а тех, кто направлял его. Националисты провоцировали восстание, их расчет был на то, что советские войска, возбужденные петроградскими событиями, воспользуются выступлением „полуботьковцев“, чтобы выступить против Керенского. Сепаратное восстание было бы раздавлено войсками Правительства. Тогда можно было использовать затруднительное положение на фронте и в Петрограде предложить Керенскому дружеское сотрудничество и выдвинуть свой национальный полк „богдановцев“, совершенно достаточный, чтобы нести караул в городе. Результат получился бы блестящий—разгром Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и товарищеский союз с коалиционным Правительством. Успех задуманного плана поставил бы у власти на Украине Центральную Раду и гарантировал бы поддержку национальных полков Керенскому в момент выступления рабочих и крестьян за власть Советов. Но затея сорвалась, хотя и тут не обошлось без деятельного участия российских социал-демократов и соц.-революционеров.

Еще прежде чем большевики узнали о „полуботьковском“ выступлении, во всех концах города протрубили, что восстали большевики. И когда утром прибыли в Совет четыре автомобиля за большевистскими агитаторами, чтобы отправиться на завод с целью разъяснить петроградские события и разъяснить гнусную ложь, возводимую на тов. Ленина и других вождей, то по распоряжению доктора Фрумина (с.-р.), неистово вопившего, что он всех большевиков

расстрелять, автомобили были задержаны[1] и часть агитаторов арестована... Провокация националистов не удалась, а горячность российских социал-предателей только содействовала разоблачению всей их работы. Советы, главным образом фракции большевиков, стали во главе ликвидации этого „недоноска" восстания, требуя расследования и стараясь не допустить со стороны власти [illegible] расстрелов этих обманутых, одураченных людей, являющихся жертвой гнусной политики национал-демократов и их верных союзников—социал-предателей.

Пробный шар национальных шарлатанов из Цент. Рады пролетел мимо. Но неудача их не остановила. Решение захватить власть не в открытом бою, а хитростью не оставило политиков буржуазной Рады. Дальнейшее поведение их говорит за то, что в это же время по-видимому окончательно созревало решение использовать нарастающее революционное движение в рабочих и солдатских массах. Хотя Центральная Рада ничем особенным себя не проявляла, если не считать того, что усиленно продолжала формировать национальные полки и под всякими благовидными предлогами оставляла уже сформированные в Киеве да рассылала во все города агентов, готовых в любой момент заменить комиссаров Керенского. Но только последующие события вскрыли эту работу и показали, что подготовительная работа велась упорная и совершенно не заметная на поверхности надвигающихся бурных событий. И до последнего момента, когда уже к Киеву стягивались правительственные войска и спешно готовились Советские части, Национальный Совет открыто не готовился. Первые бои в Виннице, Киеве, Жмеринке, не говорившие еще ничего о том, на чьей стороне перевес, не нарушили этого внешне выжидательного состояния. И только в тот момент, когда явный перевес оказался на стороне Советских войск, когда целый корпус спешил на поддержку Киеву, и уже безошибочно можно было предсказать, что и здесь, как и в Петрограде, победа будет на стороне восставших за советскую власть, Центральная Рада сделала вид, что поддерживает последнюю. Но как только победа была уже неоспоримым фактом, Рада спешно выдвинула свои войска и заняла все караулы во всем городе и во всех правительственных учреждениях. Готовая до по-

---

[1] Любопытное положение: доктор Фрумин состоял чуть ли не председателем общественных организаций, к Совету никакого отношения не имел, а в это утро с 9 час. находился в здании Совета Р. и С. Депутатов и отдавал распоряжения. Странный, но весьма понятно.

следней минуты сговориться с Керенским, она строила свою политику на борьбе двух сцепившихся врагов. Без единой капли крови, без боя Рада взяла в свои руки власть. Первое ее выступление было якобы мерой предосторожности: нужно было сделать видимость участия, а то чего доброго б-ки приняли бы за контр-революционеров и в случае победы применили бы сразу репрессивные меры. Заняв караулы сначале как бы для поддержки революционных войск, она в дальнейшем закрепляет все учреждения за собой. И таким образом власть без боя оказывается в ее руках. Так был сделан первый шаг к осуществлению давно задуманного плана—захвата власти в момент Советского восстания. Этот момент решил судьбу Советов.

С победой Советских войск вся власть на Украине переходит к Центральной Раде и ее правительству—Генеральному Секретариату. Головокружительная быстрота, предусмотрительность и отсутствие каких бы то ни было заминок говорили о том, что план захвата власти украинскими националистами в момент борьбы рабочих и солдат за Советскую власть был подробно разработан много раньше и проводился уже по заранее выработанной системе. Немедленно все ответственные должности были заняты агентами Рады, спешно стянуты украинские войска, в Петроград в С. Н. К. отправлялись телеграммы и делегации за разрешением перевести все украинские части в Киев (столицу Украины), на местах должности комиссаров Керенского заняли комиссары Ц. Рады.—Получилась полная смена лиц и полностью осталась старая политика. Та же политика Керенского-Церетели, только представляли ее на этот раз не российские м-ки и с.-р., а украинские, и не Керенский и Церетели, а Грушевский и Петлюра. Все завоевания октябрьской революции на Украине свелись к тому, что рабочие и крестьяне получили себе на шею украинское коалиционное министерство — Генеральный Секретариат Центральной Рады.

Услужливые российские соглашатели, м-ки и правые с.-р., сразу почуявшие горячие симпатии к украинскому народу, наконец высвободившемуся из-под опеки Керенского и К°, приняли живейшее участие во всей работе национального правительства. Полное поражение и бессилие этих буржуазных лакеев в Советах привело их к Раде, услужливо открывшей им вход не только в национальный парламент, но и в национальное правительство. В этом укромном местечке можно было до поры до времени не выступать открыто ни за, ни против С. Н. К. и вести работу по сплочению

и организации всех врагов Советской власти и все социал-предатели горячо откликнулись на призыв националистов.

С победой рабочего-крестьянского восстания и образованием Советской власти в России роль Центральной Рады резко изменяется, принимая характер, совершенно противоположный прежнему. Теперь она считает себя властью и ее участие в жизни Украины самое активное, а вмешательство во всю политическую жизнь самое непосредственное. Все помнят знаменитый универсал или манифест к украинскому народу, с которым так пышно выступила национальная украинская власть. В этом манифесте Центральная Рада и Генеральный Секретариат совершенно определенно объявили себя единственной властью на Украине. „Отныне Украина,—гласит Универсал,—будет Украинской Народной Республикой... До созыва Украинского Учредительного Собрания вся власть творить порядок на земле нашей, издавать законы и править принадлежит нам—Украинской Центральной Раде, и правительству нашему—Генеральному Секретариату Украины“. (Киев, 7-го ноября 1917 г.) Итак, Центральная Рада и ее Генеральный Секретариат объявили себя самодержавной властью Украины.

Городские Думы, враждебные Советской власти, служили ей опорой. Все изгоняемые из армии и гарнизонов офицеры, генералы и комиссары находили здесь себе радушный прием, солдатам приходилось под маской „щирого“ украинского офицера находить своих старых знакомых, изгнанных из частей за контр-революционные действия. Упорно ждали переезда в Киев правительства Керенского. Так, „К. М.“ от 2-го ноября пишет: „В ставке обсуждается вопрос о временном перенесении резиденции Правительства в Киев. На этих днях возможен поэтому приезд в Киев из Петрограда послов союзных и нейтральных стран“.

Тело убитого Духонина было встречено и похоронено с почетом. Носились упорные слухи, проникавшие в печать, что и вся контр-революционная могилевская ставка укрылась под гостеприимное крылышко национального правительства. С правительством Дона и Кубани, с правительством Каледина заключили союз. Спешно ведутся переговоры. Вот что по поводу этих переговоров говорит корреспондент „Полночи“.—„Представители Украинской Рады по нескольку раз в день обращаются по прямому проводу в войсковое правительство и настойчиво требуют выступить совместно с нами на государственное строительство. Войсковое Правительство готово взять на себя это бремя, нам придется наверно прибегнуть к вооруженной силе“.—Говоря коротко, все враги Советской

власти находили дружескую встречу—гостеприимный прием в Киеве, столице Украины.

Советы Рабочих и Солдатских Депутатов национальное правительство вначале осторожно отодвинуло в сторону, слегка намекнув, что Советы не могут вмешиваться в общую жизнь Украины, что их работа чисто местная (что последнее означало, одному Аллаху ведомо), а в дальнейшем уже официально заявило, что в вопросы общеполитические, затрагивающие интересы всего народа, им вмешиваться не разрешается.

Конечно, такое отношение не могло не вызвать возмущения в массах и местных Советах, которые в большинстве на Украине поддерживали Сов. Нар. Ком., и новый конфликт стал назревать, хотя вначале новое правительство—Генеральный Секретариат—действовало весьма осторожно. Насколько осторожно, показывают обстоятельства, имевшие место в Киеве 5-го ноября 1917 года: Киевский советский орган „Пролетарская Мысль“ ставит еще вопрос о том—„кому влада на Украине?“—и приходит к тому выводу, что „Украинска Центральна Рада, як краева институция, може стати краевим органом влади на Украини“,—а на соединенном заседании И. К. С. К. Р., и С. Д. фракция большевиков заявляет, что „Краевой властью является Центральная Рада, при чем фракция требует созыва съезда Р., С. и К. Д. Украины для реорганизации (!!) Центральной Рады в Центральную Раду С. Р., С. и К. Д.“.

Но уже 18-го ноября Областной Комитет бьет тревогу и экстренно созывает совещание представителей Советов губернских, городских и крупных центров. Наконец приказы и постановления Генерального Секретариата, направленные к поддержке всех врагов Советской власти, не оставляют сомнений насчет контр-революционности Центральной Рады.

Ясно было для всех, что так называемое национальное правительство все завоевания октябрьской революции, стоившей жизни многих самоотверженных борцов, сводило к нулю. Киевские Керенский-Церетели-Грушевский-Петлюра продолжали политику петроградского коалиционного министерства; изменились лица, изменилась форма, а сущность осталась старая. Вся перемена заключалась в том, что предатели м-ки и с.-р. перенесли свою работу из Советов в Раду и Г. Думу, а также и в том, что Советские войска, сражавшиеся с юнкерами и белогвардейцами, стали рассматриваться, как враждебные части, которые по ночам разоружались набегами гайдамаков и немедленно высылались за кордон.

Вся октябрьская революция свелась на-нет. и перед рабочими и крестьянскими массами стояла снова старая задача—завоевать власть Советам.

По выяснении всех этих событий, в целом ряде Советов зарождается мысль о необходимости немедленного созыва Всеукраинского, т.-е. краевого, съезда Советов Р., С. и К. Депутатов, при чем обязательна постановка в порядке дня этого съезда вопроса о Советской власти на Украине.

На заседании областного Совета Р. и С. Депутатов 24-го ноября 1917 года вместе с представителями от Харьковского и Одесского Советов постановили созвать съезд Советов на 6-ое декабря. Национальные организации, в том числе и Центральная Рада, предложение Областного Комитета Советов прислать своих представителей в Организационное Бюро оставили без ответа, а представитель украинских с.-д. еще на организационном заседании заявил, правда в очень туманных выражениях, что Всеукраинский съезд излишен в виду скорого созыва Украинского Учредительного Собрания. После заявления он удалился и в работах Бюро участия не принимал. Украинские с.-д. и с.-р., как и российские, предвидели, что съезд должен окончиться избранием В. Ц. И. К. и их господству и здесь будет положен конец, поэтому они усиленно выдвигали в противовес Всеукраинскому съезду Украинское Учр. Собрание. Тактика социалистов из мелкобуржуазного лагеря, к какой бы национальности они ни принадлежали, всегда едина. Как только Организационное Бюро опубликовало день съезда и норму представительства, Центральная Рада немедленно сделала то же самое, при чем норма представительства, опубликованная Радой, давала громадное преимущество волостным и уездным спискам. День съезда назначен был на то же число—с явной целью вырвать инициативу созыва съезда из рук Организационного Бюро. Во все деревеньки отправлялись срочные телефонограммы[1]) с приказом, под страхом страшнейшей ответственности, за неисполнение, прислать на 6 декабря представителей, по одному от каждого волостного Совета.

Слуги Керенского, перелицованные в национальный цвет, из кожи лезли вон в своем старании сорвать, не допустить работы первого украинского Советского съезда. Киев был наводнен гайдамаками[2]), советские войска разоружены и вы-

[1]) Все государственные учреждения—почта, телеграф и пр.—находились исключительно в распоряжении Рады.

[2]) Никогда не прощу себе непозволительной ошибки, допущенной по моей вине в отношении к Радѣ—в первые дни октябрьскаго переворота, когда красный 2-й гвардейский корпус занял Жмеринку и нес охрану вокзала, задерживая все эшелоны с войсками Керенского, эшелоны Центр. Рады пропускались без всяких задержек.

сланы за кордон, а Киевский Совет совершенно обескровлен. Наконец 30-го декабря было созвано объединенное собрание Киевского Совета Р. и С. Д., представителей от Сов. Крестьянских Депутатов и представителей фабр.-зав. комитетов, принявшее резолюцию, в которой говорится, что „действия Центральной Рады окончательно разоблачают политику Генерального Секретариата и Войскового Комитета, как политику, направленную против рабочих, солдат и крестьян.... что всякая попытка контр-революционных покушений... встретит должный отпор со стороны киевского пролетариата и гарнизона, вплоть до применения вооруженной силы“ [1]).

Отношения, наконец, определились, противники резолюции покинули в виде протеста зал заседания. Меньшевики и соц.-революционеры ушли из И. К. Сов. Раб. Депутатов, остались только сторонники Советской власти. То же произошло и во всех городах Украины, только с той разницей, что соц.-рев. и меньшевики остались в Ц. К. Советов и всячески тормозили работу. Повторяется дооктябрьское положение,—все социал-предатели требуют Украинского Учредительного Собрания и съезд Советов считали излишним.

Отношения между борющимися фракциями сильно обострились и ко дню съезда Советов достигли крайнего напряжения.

Съезд собирается полный и во-время, но в невероятно напряженной обстановке. За три дня до съезда арестуют группу активных членов Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, хотя Совет Солдатских Депутатов в своем большинстве идет за Радой, и каждый момент ждут новых арестов и столкновений.

Советских войск в городе больше нет, осталась только весьма немногочисленная красная армия. И тут только Киевский партийный комитет дает свое согласие на вызов Советских полков из других мест. Но момент упущен, арсенал, воздухоплавательный парк, тяжелая артиллерия, все в руках Рады. Съезд собрался, но для открытия его нужна была вооруженная сила, которая смогла бы охранить Советский съезд от гнусного насилия националистической буржуазной Рады. Делегаты, явившиеся по призыву Рады, направлялись ею, с целью вызвать конфликт, в мандатную комиссию Об. Бюро за пропусками. Отказ в выдаче их вызвал разгром комнаты, где помещалась мандатная комиссия. Столы были побиты, члены м-к. разогнаны, а „делегаты“ Рады, завладев печатью и карточками, стали сами себе выдавать

---

[1]) „Прол. Мысль“ от 2-го ноября 1917 года.

пропуски. Последняя попытка мандатной комиссии проверить пропуски при входе в зал заседания потерпела полное поражение. Крестьянские делегаты заявляли: „Нам приказано итти, так не мешайте, а то мы вам покажем". Единственное, что удалось сделать мандатной комиссии—это приблизительно подсчитать число „делегатов", явившихся на первое заседание, около 1300 человек. Перед открытием этого „необычайного съезда" Областное Бюро сделало последнюю попытку вмешаться в эту гнусную работу агентов Рады. Представитель Областного Бюро пытался открыть собрание, чтобы сделать заявление от мандатной комиссии, но у с.-д., представитель киевской селянской спилки и еще человек 6 с.-д. и с.-р., из различных радовских учреждений, силой оттолкнули членов Областного Бюро от председательского стола и под крик заготовленных скандалистов открыли собрание. На другой день заседание „съезда" было назначено уже организациями Рады в городском театре. Большевики решили итти, чтобы сделать заявление. В театре, переполненном гайдамаками, присутствовал сам Грушевский. Открыл съезд Порш, с приветствием и заявлением об объявлении войны С. Н. К., выступил Петлюра. В начале заседания б-ки выступили с заявлением, что это хаотическое собрание не может считаться съездом. После решения собрания считать себя съездом Советов, фракция большевиков вместе с громадной частью представителей Советов удалилась из залы заседания и организовала особое совещание.

Объявление войны Раде Советом Народных Комиссаров явилось крайне неожиданным для всех и вызвало необычайное волнение в и без того невероятно наэлектризованном собрании. Этот момент великолепно использовали хитрый австрийский дипломат, Грушевский и авантюрист Петлюра против б-ков и Советов, поддерживающих С. Н. К. Перед подпоенным и ничего не соображающим хаотичным собранием они выступали с горячими протестующими речами—„Москали у себя устроили безпорядки,—взывали они к собранию,—их народ сидит без хлеба, грабежи и убийства господствуют у них во всей стране, так они то же хотят устроить и у нас, хотят нашим хлебом воспользоваться и поэтому и объявляют нам войну". „Нет,—продолжает Петлюра,—мы не хотим Московских порядков. Они дожили до Н. К., так пусть они у них и будут, а мы довольны своей Радой. Везите хлеб к нам и все, как один, подымайтесь на борьбу с москалями",—закончил он... Можно с полной уверенностью сказать, что никто ничего не понимал. С кем воевать, за что и почему?! Почему москали стали сразу врагами (то враги

были только б-ки), почему с ними нужно вести войну, этого никто не знал, даже самый разбитной матрос, фигурировавший у стола президиума с весьма веселым лицом.

Пользуясь неосведомленностью масс и не давая говорить представителям Советов, Грушевский творил свое предательское дело—обмана украинского народа. Войну, объявленную Советом Народных Комиссаров контр-революционной Раде, представитель украинского правительства представлял собранию как войну великороссов против украинцев. Это было сделать тем легче, что причины объявления войны Центральной Раде не были ясны широким массам. „За что воевать!? Говорят о мире, а сами, став у власти, объявляют войну своему же народу—рабочему и крестьянину. Разве пан воюет",—шумел народ. Недоумевали и рабочие массы. Рабочие и крестьяне плохо разбирались в происходящих событиях. Длительная подготовительная работа социал-шовинистов, буржуазных националистов Украины и их хитрая изворотливая политика не были вскрыты перед широкими массами. Советские и партийные работники и на Украине по уши уходили в борьбу в Советах с российскими соглашателями разоблачением политики Керенского в армии и на организацию партийных ячеек; и для борьбы с украинскими шовинистами не оставалось ни времени, ни охоты.

И нужно признать, что наше в корне ошибочное и недопустимое отношение к работе шовинистов взрастило и укрепило их у нас на пути. Не было упорной борьбы, с самого первого дня революции беспощадно разоблачавшей, вскрывавшей работу социал-шовинистов и национал-демократов Центральной Рады. И хотя в партийной печати всегда вскрывали работу социал-шовинистов, но настойчивой повседневной борьбы не вели почти до декабря месяца. И только тут, в момент решающий для нас, в полном объеме вырисовывалась наша ошибка,—но время было утеряно. Центральная Рада завладела, правда на некоторое время, массами и повела свою предательскую политику против рабочих и крестьян. Советы разгонялись—б-ки арестовывались, над активными работниками устраивали организованные самосуды и в это же время под шумок Генеральный Секретариат продавал австро-германским хищникам Украину.

III.

Борьба за Советскую власть и образование Ц. И. К. Украины.

Перед отколовшейся частью Советов, ушедшей с так называемого съезда, встает громадной важности задача—вырвать массы из цепких лап Рады и осуществить наш октябрьский лозунг: „Вся власть Советам". С горячей верой в творческую силу рабочих и крестьянских масс делегаты приступили к выполнению этой важной работы. В виду крайне неопределенного положения Советов в Киеве, возможности каждую минуту быть арестованными, на первом же заседании принято было постановление о переезде в другой город. Харьковские делегаты предложили избрать местом для дальнейших работ Харьков по двум основаниям—во-первых, там происходил в это время съезд представителей Донецко-Криворожского бассейна, вместе с которым желательно было работать, во-вторых, местный гарнизон оставался попрежнему вооруженным, а также не было еще и гайдамаков,—предложение было единогласно принято. На этом же заседании решено было слиться с областным Донецко-Криворожским съездом Советов и образовать, таким образом, полный краевой съезд, на котором избрать Ц. И. К. С. Р., С. и К. Депутатов всей Украины. Донецко-Криворожская область входила в границы Украины по третьему универсалу. На совещании фракционные делегаты делились следующим образом: большая часть б-ки— меньшая с.-р. (левые), несколько человек украинских б-ков и два интернационалиста.

Постановления Киевского совещания были приняты большинством съезда Д.-К. области, составившимся голосами б-к. и украинских левых с.-р., и с.-р.; м-ки же и интернационалисты выступили с заявлением, что голосовать будут против, так как считают, что Д.-К. область должна быть совершенно автономна и независима как от Центральной Рады, так и от

Совета Народных Комиссаров. Эта увертка и желание протащить контрабандным путем свою политику—„Советы признаю, а С. Н. К. и Советское правительство нет"—была сразу учтена собранием. Тогда левые с.-р., прибывшие из Киевского совещания и до этого момента не занявшие самостоятельной политической линии, выступили также с заявлением, чтобы отделить себя от явных врагов Советской власти, что они всецело поддерживают постановление о слиянии съездов и единой работе, но по вопросу о выборах Ц. И. К. Украины будут воздерживаться. Во всей дальнейшей работе съезда лев. с.-р. шли вместе с б-ками и укр. лев. с.-д., с.-р. Харьковские во главе с Голубовским и м-ки с интернационалистами выступали и голосовали против большинства (в целом группа человек 20). Перед выборами Ц. И. К. Украины с.-р. и м-ки снова выступили с заявлением, что в выборах участия принимать не будут, в виду того, что якобы представительство на съезде от крестьян недостаточно и ответственность за выборы Ц. И. К. брать на себя они не желают. Это заявление никакого значения не имело, так как к концу съезда с этой группой никто абсолютно не считался. Таким образом в Украинский Ц. И. К. вошли в большинстве б-ки, левые с.-р. и украинские лев. с.-д. На первом же заседании Ц. И. К. Украины намечены были кандидаты в Народный Секретариат Украинской Советской Республики и единогласно принят манифест к рабочим, солдатам и крестьянам Украины с указанием основных задач, стоящих перед Советским правительством Украины—„добиться мира, земли и полного раскрепощения украинского народа[1]). Харьковский Совет Р. и С. Депутатов в своем большинстве приветствовал образование Советского правительства. Но И. К. и революционный комитет, в которых большинство с.-ров (называвших себя левыми) и м-ков пытались ставить палки в колеса Советской власти и всячески мешать работе.

Особенно дипломаты, в роде Голубовского, пытались сорвать работу Ц. И. К. Украины: они всячески разжигали желание, имевшее место в Харьковском ком. б-ков выделиться немедленно в самостоятельную область[2]). Каждый шаг Советского правительства подвергался злобным нападкам со стороны правой части Совета. Так, закрытие официоза Центральной Рады и арест редактора (ук. с.-д.), являвшегося агентом Рады, и арест контр-революционной земельной Управы, рассылавшей

---

[1]) Манифест печатается в конце брошюры.

[2]) Б-ки из Ц. И. К. Украины возражали против этого выделения до того момента, пока Киевская Рада оставалась у власти. Успехи начатого дела требовали объединения, а не дробления.

приказы не трогать помещичьих усадеб и всего, что в них находится, так как все это имущество является собственностью их владельцев, вызвали бурю негодования с.-р. и м-к. в заседании Харьковского Совета Раб. и С. Депутатов. Крики: „жандармы", „палачи" в изобилии отпускались представителям Советской власти. Но несмотря на все злокозни против Советской власти и преграды, воздаваемые соглашателями в рядах сторонников Советской власти, работа налаживалась единая, дружная, и всячески укреплялись Советы на местах. К тому же сами ряды борцов за Советскую власть росли с головокружительной быстротой. Как б-ки, так и лев. с.-р., беспощадно били предателей м-ков. и правых с-р. и разоблачали погубную шовинистическую политику центра (украинск. с.-р. и м. с.-д.).

Сами условия создавали богатейшую почву для успеха Советской работы. Рабочий, солдат и крестьянин Украины, тесно сжившийся с Великороссией, не принимал чуждую ему националистическую пропаганду Центральной Рады о „вражеских москалях". Образование Советского правительства, не на словах, а на деле осуществлявшего власть рабочих и крестьян, было встречено доверчиво, дружелюбно, и не только в городах, но и в убогих, забитых глухих деревеньках.

Национальный угар, охвативший было массы в момент объявления войны Центр. Раде—которая была истолкована ею как объявление войны украинскому народу—слетел менее, чем в двухнедельный период. К Советскому правительству со всех уголков Украины потянулись ходоки и делегации от местных полуразрушенных Советов и различных рабочих, солдатских и крестьянских организаций. Правда, в начале шли с опаской, больше с информационными целями, чтобы узнать на месте о работах Ц. И. К., но такое отношение было только в самом начале работ,—как только на местах узнали о первых шагах Советского правительства, стали с полным доверием обращаться за советом, руководством и указаниями. Проведенная Советской властью на местах организация и укрепление Советов углубляли классовые противоречия, сносили и раскалывали национальное объединение. Заметнее всего и интенсивнее эта работа совершалась в деревнях. Возвращаясь из города из расформированных Центр. Радой частей, солдаты, возмущенные насилием, произведенным над ними слугами буржуазии, с удвоенной энергией брались за работу созидания Советов в своих родных селах. Для них Советская власть не являлась пустым звуком, они уже научились разбираться в происходящей политической борьбе. Призывы Керенского к наступлению и перемирие, объявленное С. Н. К. для заключения мира, яснее самых ярких слов говорили солдату, что несет ему

Советская власть. И деревня зажила, „загомоныла“. С поразительной быстротой нарастал, ширился и углублялся протест деревни против Центр. Рады, призывающей к войне с Советской Великороссией, против политики натравливания одного народа на другой и против всех националистических начинаний. Националистический туман начал рассеиваться, точно туман при свете яркого солнца. И до этого не пользовавшаяся в массах большим авторитетом Рада, с началом работ Украинского Советского правительства, шаг за шагом передававшего все земли, фабрики и все богатства в руки организованных Советов, рабочих и крестьян, совершенно потеряла почву из-под ног. Единственной ее опорой, крайне ненадежной, служила городская мелкая буржуазия, да оставшиеся без армии с.-р. генералы с кучкой отъявленных кулаков, все же обманутые ею доверчивые массы резко от нея отшатнулись. Нужно сказать, что с момента образования Советского правительства расслоение деревни пошло невероятно быстрыми шагами. Этому не в малой степени посодействовал 40-десятинный проект Центр. Рады. Беднота спешно организовалась в Советы, против кулаков, организованных в спилки, создавала свои отряды красной армии, вооружая беднейшую часть деревни, ставя под ружье вернувшихся домой солдат, переизбирала земельные комитеты и вполне отчетливо отгораживала себя от богатеев[1]). Если бы мне самой не приходилось видеть этой громадной творческой работы, принимая в день по несколько десятков делегаций из различных сел и деревень, то я никогда и никому не поверила бы, что в такое короткое время может быть проделана такая колоссальная работа. Деревня жила, как никогда, и революционизировалась с поразительной быстротой. Трогательно было слушать делегата не вылазившаго, видно, никогда из своей деревеньки, когда он, указывая на солдата (непрем. участие солдат в каждой делегации), солидно и с непоколебимой верой, заявлял: „Они нам помогут этих кровопийц (кулаков) взять в кулак“, или—„Мы все большевики, у нас нет других, бедняк не может не быть большевиком“. Слушала и думала—„проснулась матушка деревня. Теперь Советская власть и у нас скоро победит, как победила в Петрограде, только другими силами. Главная сила Украины поднялась“.

Крестьянская конференция Советов[2]) великолепно иллюстрировала положение в деревне. Она единогласно и едино-

---

[1]) То, что происходит сейчас в российских деревнях, в гораздо большей мере имело место на Украине в период борьбы с Радой.

[2]) На этой конференции избрали 25 чел. в Ц. И. К. Украины от крестьянских Советов.

душно приняла постановление о передаче всей государственной власти в руки Советов и их Ц. И. К. Укр., одобрила всю политику Советского правительства и приняла решение немедленно присоединить свои отряды красной армии к отрядам, действующим против Центральной Рады. Такой серьезной и единодушной работы, какая была на этой конференции, такого сознательного отношения мне ни на одном крестьянском съезде не приходилось видеть и до настоящего времени. Насколько серьезные требования предъявляли делегаты к работам конференции, может иллюстрировать следующий случай: во время доклада Нар. Секр. продовольствия, который боялся, что собрание будет скучать при сухом деловом докладе, говорил очень агитационно, председатель получил записку от немолодого уже, весьма скромного делегата такого содержания: „Тов. председатель, чем вознаградите нас за потерянное время?“, или второй эпизод—к деловой резолюции по текущему моменту председатель собрания, пользующийся симпатиями конференции, предложил агитационный конец, и собрание громадным большинством отвергло его. Эти факты говорят лучше всяких слов о том, как выросла деревня. Теперь уже, отправляемые национал-демократами „верные“ части (купленные,—их содержали как казаков в николаевский период) для разгона крестьянских Советов встречали должный отпор. Новая революция, идущая из глубины деревенской глуши, наростала, ширилась.

В городах работа наростания сил для нового этапа революции шла несравненно хуже. Рабочие массы были менее активны и решительны. Их останавливала военная сила Рады и полное отсутствие таковой у Советов. Возможность активной борьбы, борьбы с оружием в руках, без армии они не могли себе ясно представить, а кроме того, крепко держались господствовавшие с начала революции отношения, что все господство Рады дутое и скоро само рухнет. Зачем жертвы, когда все можно так изжить, обманутые крестьяне и солдаты поймут, что скрывается за всеми национальными фразами, откажутся поддерживать Раду, и она уйдет со сцены,—такие, приблизительно, мысли были весьма распространены в рабочих кругах. Но, несмотря на это, работа по организации красной армии все же подвигалась довольно успешно.

Хуже всего дела обстояли с армией. Разложение полное. Желание домой, особенно после объявленія демобилизации, было настолько велико, что положительно никто не желал остаться. Попытки выбрать лучшие части из развалившихся полков давали жалкие результаты. Призывы, предложения,

записываться в новую социалистическую армию встречались холодно. На увещевания, что народу нужна пока еще вооруженная сила, отвечали хмуро, что устали и пусть идут другие. Совершенно очевидно было, что пока солдат не побывает дома, не вернется в старые условия и не почувствует на своей собственной спине враждебной его нуждам политики, до тех пор вы его ничемъ не проймете. И действительно, нужно было ему попасть в деревню, в родное село, как уже через несколько дней он шел записываться в местную красную армию. Но для борьбы с гайдамаками Рады, устраивавшими беспрерывные набеги на Советы, необходим был постоянный запас готовых боевых отрядов, так как местной красной армии часто было весьма недостаточно. Приходилось спешно набирать отряды из желающих и безработных, часто требующих продолжительного обучения. Наиболее ценными являлись отряды „червонного казацтва“, сорганизованные из расформировываемых Радою частей. Эти отряды являлись авангардомъ во время стычек с гайдамаками. Этими боевыми отрядами и мѣстной рабочей красной армией то там, то здесь разоружались войска Рады, арестовывались комиссары Рады, восстанавливалась власть разгромленных Советов, как когда-то арестовывались чиновники Керенского. Постепенно вокруг Киева образовалось кольцо советских войск, переходящее по всему фронту в наступление. Никто не закрывает глаз на действительность и для всех уже ясно, что без восстания, без нового революционного боя рабочему, крестьянину и солдату не видать свободы на Украине.

Блок российских меньшевиков и правых с.-ров с шовинистами и национал-демократами только ускорил рост революционного сознания масс. Выборы в Украинское Учредительное Собрание, широко рекламируемые ими, большей частью населения бойкотируются. Разгон Учредилки в Петрограде встречается не только сочувственно в Советских кругах Украины, но и созревает твердое решение покончить с национальным Учредительным Собранием. „Что забавляться,—слышится отовсюду,—пора бросить эту мелко-буржуазную затею“. Наростает разложение и в украинских войсках. Случаи протестов против политики Рады и присоединение к Советским войскам „верных“ национальных полков все учащаются, принимая массовый характер. Движение определенно ширится и идет с самой сердцевины Украины, и к первым числам января 1918 года охватывает всю Украину. В Полтаве, Кременчуге, Одессе, Киеве разгорается восстание. Советские войска спешно двигаются на Киев, сдавливая его своим кольцом. И после упорного 10-дневного боя, 25-го января Киев был взят Со-

ветскими войсками и самоотверженно боровшимися киевскими рабочими. Часть малой Рады скрылась, Грушевский, Петлюра и все национальное правительство бежали. На всей Украине и, вернее, на всем юге власть Советов восторжествовала.

Национально-буржуазная Рада бежала из Киева, скрылась. Не слышно было в первые дни и ее друзей российских м-к., с.-р. и бундовцев. Последний раз они появились в момент обстрела города. Взяв на себя роль мирной делегации от Г. Д., они явились в штаб Советских войск с предложением прекратить обстрел города и начать мирные переговоры с Радой. Но, получив предупреждение с подобными предложениями впредь не являться, они сошли с арены политической борьбы. Правда, не надолго. Как только миновали первые горячие дни, сейчас же эти предатели стали снова попадаться на глаза. То тут, то там ловили их на контр-революционной агитации. Пользуясь тем, что все городское хозяйство находилось в их руках и что новые работники сразу завладеть им не могли, они саботировали работу продовольственной управы, сознательно ухудшая и без того крайне тяжелое положение города. Имея в своем ведении все хозяйство города, они спокойно заявляли, что ни денег, ни продуктов нет (хотя потом были открыты довольно значительные запасы). Чувствовалось, что они выжидают, надеясь на помощь извне, что между ними и Радой заключен договор и что они ждут ее возвращения. Поведение всех радовских служащих подкрепляло эту мысль,—в противоположность Петрограду все служащие во всех правительственных учреждениях остались на своих местах, изъявив желание продолжать работу (и служащие не старые, а собранные Радой). Теперь ясно,—все „прихвостни“ Рады ждали, покамест Грушевский с Петлюрой заключат преступную сделку с австро-германским империалистом.

С первых дней взятия Киева на плечи Советской власти, ложится тяжелая забота—немедленно накормить все голодное и измученное двухнедельным сражением население города. Киевская губерния, как дольше всего находящаяся под властью Грушевского, была совершенно разорена. Весь хлеб, до последнего пуда, съеден, губерния наводнена фальшивыми бумажками, жалованье рабочим по три месяца не выплачивалось, больницы, приюты, богадельни, инвалиды без хлеба и денег, жены запасных, беженцы три месяца без пайка—полное разорение и опустошение везде и во всем. А к этому действительному опустошению прибавьте еще саботаж м-к, с.-р. управы—и картина трагического положения

первых дней Советской власти в Киеве полная. И в этот крайне критический момент лев. с.-р. начали раскалывать единый до сего момента Советский фронт. Еще в Харькове лев. с-р. Терлецкий, правда довольно осторожно, говорил о желании центра лев. с.-р. столковаться с левыми (!!) радовцами на счет созыва единого съезда, на котором предполагалось избрать третий центр лево-мелко-буржуазный. Но так как это было перед падением Рады, то наши лев. с.-р. из Ц. И. К. Украины отказались принимать участие в этой авантюре. Нужно отметить, что лев. с.-р. на Украине не пользовались никаким авторитетом и за ними нет масс,—это генералы без армии. И в Ц. И. К. У. их фракция была весьма незначительна. Но по приезде в Киев они, повидимому, твердо решив расширить свои ряды, столковавшись с лев. радовцами, приступили к систематическому срыву работ Ц. И. К. Украины, придумывая самые невероятные обвинения против политики его Нар. Секр. Так, на одном из заседаний они бросили нелепое, чисто „самостийническое" обвинение в несамостоятельности Нар. Секр. в его антиукраинских действиях, в недопустимо терпимом отношении к действиям С. Н. К. по отношению к Украине и т. д., все в таком же стиле. Но вся их авантюра блестяще проваливалась: всеми, против части с.-р. фракции, было вынесено полное доверие Н. Секр. и всей его работе. С этого заседания с.-р. систематически пытались срывать работы Ц. И. К., что не могло не углублять и без того крайне тяжелого положения. Тайные же переговоры с Радой привели к тому, что они столковались на единой редакции и стали выпускать ежедневную газету „Трудовая Мысль". К концу февраля они уже в печати начали кампанию против Ц. И. К. Укр. и Секретариата. Так, в № 7 „Трудовой Мысли" в передовой вы читаете: „Мы не раз уже указывали на то, что мы не можем взять на себя ответственность за политику Народного Секретариата и Ц. И. К., но мы не предполагали, что „растерянность" Нар. Секр. достигнет таких размеров, чтоб стали возможны подобные заявления. В настоящий момент нужно напречь все силы для обороны"... Это писали 27-го февр., в самое тревожное время,—через несколько дней Киев был сдан. Что это,—ребячество, или провокация?! Конечно, вся эта работа срыва не могла не содействовать, стоящему против Советской власти единому фронту белогвардейцев, еще не разысканных и не разоруженных гайдамаков и всех предателей из соглашательского лагеря, натравливавших голодные массы против Советской власти. Но, несмотря на все трудности, со своими контр-революционерами Советская

власть могла бороться, и диктатура пролетариата проводилась широко. Только австрийско-германским штыком они сразили Советскую Украину.

Тяжелой упорной борьбой рабочий и крестьянин Украины завоевал свободу и власть. Но и в этот раз, как и в октябрьские дни, им не пришлось пожать плоды своей героической борьбы. Первые дни победы омрачились болью за погибших товарищей: в Киеве в день похорон жертв революции опустили в братскую могилу 750 лучших борцов. В то же время царил всюду ужасный голод и безденежье. В момент, когда первая острота несколько изжита, охрана города организована, хлеб подвезен и первые нужды удовлетворены, во всех почти уголках разоружены гайдамаки, а местные Совѣты восстановлены и край готовился к Всеукраинскому съезду С. Р., С. и К. Депутатов, грозная весть из Петрограда точно дамоклов меч повисла над Украиной. Германский ультиматум с припиской С. Н. К.: „мы вынуждены принять эти варварския условия мира“, были смертным приговором Советской власти всего юга. Тревога, граничащая с паническим страхом охватила рабочие массы города, солдаты и крестьяне деревни подавлены. Как для правительства, так и для масс было ясно, что войну вести нет сил, а вместе с тем выхода нет. Смело и самоотверженно боровшийся с внутренним врагом рабочий и солдат в паническом страхе бросался бежать при слове—немецкие войска. С этим ужасом из уст в уста передавалась весть о предательстве Грушевского, о наглости Вильгельма и не деятельную злобу подымала она в массах, а ужас и только безграничный ужас.

IV.

Победа контр-революции и самодержавие Скоропадского.

Не имея влияния в народе, являясь совершенно беспочвенной, Центральная Рада была без труда снесена восставшими рабочими и крестьянами. Но кучка авантюристов, засевшая в этом дутом учреждении, именуемом Генеральным Секретариатом, задалась целью во что бы то ни стало господствовать и управлять народом, разрушившим ее карточный домик. Не имея собственных сил, буржуазия из Центральной Рады прибегла к помощи хищников Германии, великолепно учитывавших результаты этой авантюры. Таким образом раскрепощенная Украина, сбросившая с себя ярмо буржуазно-кулацкого господства, была продана за 30 сребренников, за дутое право безконтрольного господствования над трудовым народом, усмиренным австро-германскими штыками. Рабочий и крестьянин Украины, только-что завоевавший Советскую власть, был еще слишком слаб, чтобы отразить занесенный над его головой меч палача. Полное отсутствие сколько-нибудь организованной и дисциплинированной армии и отсутствие всего военного аппарата, более и менее серьезного вооружения; хозяйственная разруха, а главное, невероятно уставший от трех летней войны народ заранее обрекали на неудачу всякую попытку мало-мальски серьезной обороны. Советское правительство вынуждено было итти на всяческие уступки, только бы избежать войны с империалистской регулярной армией. На экстренном заседании Народного Секретариата было принято решение всеми б-ками и лев. с-рами (против одного Шахрая, всегда занимавшего мартовскую позицию) отправить в Брест мирную делегацию с наказом: соглашаться на все, даже на выполнение торгового договора, заключенного Радой, но при одном условии—исключении пункта 4-го [1]) мирного договора

[1]) Гласивший о ликвидации Советской власти на Украине

Ц. И. К. Украины подтвердил целиком это постановление, подчеркнув, что на все условия, как бы тяжелы они ни были, мы должны итти и пойдем, так как вести войну в настоящий момент мы не в силах, но безусловно требуем сохранения Советской власти[1]). После категорического отказа австро-германских представителей вести переговоры об условиях мира, с украинской Советской делегацией,—выбора для Советской Украины не оставалось. Согласиться на самоубийство и добровольно отдать себя в руки предателей из Центр. Рады и ее союзников—австро-германских жандармов, революционные Советы не могли. Оставалось принять вызов и продолжать гражданскую войну не только со своими контр-революционерами, но и с контр-революционерами австро-германскими. При этом никто не закрывал себе глаз на крайне тяжелое, трагическое положение Украинской Советской Республики. Сопротивляться маленькими партизанскими отрядами против до зубов вооруженного врага была совершенно безнадежная задача. Невозможность успешно организовать оборону для всех была ясна, но надежда все же выиграть время, дать возможность массам хотя немного оправиться и понять происходящее горела ярким пламенем среди Советских работников. Она толкала их на героические шаги, заставляла до крайних пределов напрягать силы в неравной борьбе. Но с каждым шагом красной армии в глубь Украины все яснее и яснее вырисовывалась безнадежность начатого сопротивления.

Массы устали от трехлетней кошмарной кровавой бойни. Ужасы недавнего прошлого гнали солдат подальше от поля битвы. Многие готовы были сознательно закрывать глаза на недавнее прошлое и еще раз поверить обещаниям Рады, готовы были забыть и о целях западно-европейских империалистов, о той опасности какую нес австро-германский штык всей российской революции. Как в октябре, когда С. Н. К. объявил Раде войну, так и теперь массы тянулись к тому, кто обещал им мир. Надежда как-нибудь вывернуться глубоко запала в измученную душу народа. И эту гибельную для украинских рабочих и крестьян надежду усиленно поддерживали все враги революции, как буржуазия, так и главным образом, м-ки и с.-р. (правые) вместе с украинскими социал-шовинистами. Предатели старались не за страх, а за совесть. Не успел телеграф принести известие о подписании

[1]) Разговоры, что Ц. И. К. Ук. разошелся с С. Н. К. в отношении к Брестскому миру-сплошной вымысел. Поддерживая целиком политику С. Н. К. Украинское Советское правительство не могло избежать войны.

Брестского мира, как все эти трусливые прихвостни империалистов немедленно сострянали делегацию от якобы „социалистических“ организаций к Советскому правительству с предложением организовать „ликвидационную“ комиссию для „безболезненной“ передачи Советской власти в руки австро-германских палачей. С той же целью „безболезненной передачи“ ими, вместе с бундовцами, спешно подготовлялась белая гвардия, в лице еврейских и польских легионов, делались попытки публичных выступлений с балкона Городской Думы с призывом ликвидировать незаконную Советскую власть, провоцировались жены запасных на погромные выступления, натравливались голодные и недовольные. В кратчайший момент, когда войска насильников быстро продвигались на Киев и находились уже верстах в 30 от города, когда Советское правительство нечеловеческими усилиями пыталось поднять рабочих на защиту города, на заседании Совета, пользуясь отсутствием И. К., они пытались протащить постановление о посылке Советской делегации для встречи „дружественных нам“ войск, внеся перед этим провокационное заявление, что Советское правительство бежало из города[1]). В Киеве эта предательская авантюра не удалась, но в других городах во время отступления Советских войск социал-предатели встречали австро-германские войска с цветами, хлебом и солью. Передовым отрядом буржуазии и кулаков являлись социал-предатели меньшевики и с.-р. Усталость масс давала им возможность безнаказанно делать свое предательское дело—расчищать дорогу палачам революции.

Правильное продвижение во много раз численно превосходивших нас австро-германских войск и разрозненное, суетливое отступление Советской красной армии, плохо вооруженной и совершенно не дисциплинированной, не содействовало вовлечению рабочих и крестьянских масс в ряды борющихся революционеров. Сочувствие и симпатии были не на стороне Советских отрядов. Почти всюду отступающие отряды обстреливались местными белогвардейцами, не встречавшими противодействия со стороны населения. Находясь на своей „родной“ Украине, красноармейцы не были уверены, что их не встретят в тылу огнем. Кроме пассивности масс, доходившей до враждебности, положение ухудшалось неустойчивостью Советов и общей дезорганизацией тыла. В местах остановок наша красная армия наталкивалась на тысячу препятствий,—население относилось негостеприимно, Советы

[1]) Только появление членов Советского правительства, которые были встречены горячим дружным приветом, в корне убило и эту авантюру.

бежали, все продукты исчезли, лошадей угнали в леса, а власть сосредоточивалась в руках Городских Дум или земских деятелей. Там же, гдѣ удавалось собрать остатки Советов, медлительность, граничащая с саботажем, служила плохой поддержкой борющимся отрядам. В рѣдких и лучших случаях остатки разбежавшегося Совета искренно и всеми силами старались помочь красной армии оправиться и оказать сопротивление неприятелю. Итак, не было подготовительной работы тыла, углубившей настроение безнадежности, царившее в массах; не было стойкости Советов, бросавших все и бежавших в глубокий тыл при одном слухѣ, что неприятель наступает; не было массового участия, необходимого в отраженіи врага, и маленькие сорганизованные наспех отряды совершенно бессильны были оказать серьезное сопротивление регулярной арміи. И это обрекало революціонную оборону на пораженіе. Обвиненіе, возводимое трусами, сидящими в тылу, на красную армію, будто она состояла из хулиганов, занимающихся грабежами,—гнусная ложь. Красная армія в большинстве своем состояла из рабочих, прекрасно сознававших серьезность борьбы и готовых на смерть, но плохо владевших винтовкой и совершенно незнакомых с военной техникой. Такая армія, конечно, бессильна была оказать мало-мальски серьезное сопротивленіе великолепно обученному врагу. Положеніе нашей красной арміи было поистине трагическое, многие не выдерживали и сходили с ума. Доходило до десяти случаев сумасшествія в теченіе одного дня сраженія в отряде в 500 человек. Настолько велико было нервное напряженіе самоотверженно сражавшихся за Советскую власть. Но пораженіе и разгром были очевидны, пассивность и неподготовленность масс были налицо.

Всеукраинский съезд Советов, происходившій в Екатеринославе 1-го марта 1918 г., на котором присутствовало более 1.000 делегатов, подтвердил постановленіе Н. Секр. и Ц. И. К. Ук. и принял громадным большинством решеніе обороняться до последней возможности, спешно мобилизовать все силы и поставить под ружье всех Советских работников. Но в результате Екатеринославскій Совет за две недели до занятія города бежал, и город был сдан без единого выстрела. Не лучше обстояло дело с Харьковом, имевшим месячный срок для организаціи обороны. Через месяц после 2-го съезда и через 4 месяца после первого съезда Ц. И. К. Украины собирался в последній раз в Таганроге. Украинской буржуазіи, опираясь на германскій штык, удалось временно задушить Советскую Украину. Но уже к концу первого месяца немецкого владычества началось пробужденіе масс к

борьбе; безнадежность положения в тылу у Советских войск сглаживалась пробуждением крестьян в оккупированных местах. Все чаще и чаще являлись гонцы от сходов с просьбой продвигаться вперед на „немца“. „Теперь мы поможем“,—заявляли делегаты. Сознание, что их снова надула Центральная Рада, появлялось тотчас же, как австро-германские войска вступили в занятые пункты, а насилия, широко применяемые завоевателями, быстро снесли миролюбивое настроение и апатию масс. И все чаще и чаще повторялись случаи присоединения к нашим войскам бежавших из оккупированных мест рабочих и солдат. Все громче начал звучать призывный клич мести: „Нас продала Центр. Рада, смерть предателям“. Но уже было поздно. Украину наводнили ½ мил. австро-германских войск, террор, безумный, кошмарный террор господствовал по всей завоеванной Украине. Попытки Донецкого Совета повести переговоры о мире потерпели полную неудачу—и над всем югом воцарился австро-германский штык, расчищающий дорогу всем российским и украинским контр-революционерам.

Победа австро-германского штыка принесла освобождение всем украинским контр-революционерам. Все загнанные в подполье палачи-жандармы и все враги революции выползали из своих нор, спешно принимаясь за работу очищения покоренной страны от революционной заразы. Вспомнили приемы доброго старого времени: пытки, массовые расстрелы, разгром всех рабочих и крестьянских организаций и даже меньшевистских Советов, Городских Дум применялись очень широко. Работа восстановления цензовых учреждений и всего николаевского режима тоже пошла полным ходом. На службу снова призваны все верные слуги Николая, готовые беспощадно мстить „бунтарям“ за свое временное бессилие и поражение. Над покоренным краем идет дикий разгул произвола и гнусного насилия. Красный флаг, победное знамя революции, заменен знаменем украинско-австро-германских угнетателей.

В этой родной стихии окончательно ожила обезкровленная и сжатая в пролетарский кулак украинская буржуазия и опять приступила к открытой политической работе, выравнивая контр-революционный фронт. Возможность с помощью Эйхгорна восстановить все свои права и привилегии, при условии дружеского сожительства с империалистами Германии, очень просто и реально укладывается в головах украинской буржуазии и она весьма охотно содействовала ликвидации националистическо-мещанской государственной власти.

Без особого труда сделавшие свое предательское дело маклера из буржуазной Рады, как ненужные слуги, устраняются с пути гордо шествующих германских империалистов. Устранить Раду не представляло особенной трудности, так как к этому времени за Радой и ее правительством не было решительно никаких масс. Те легковерные, жаждущие мира, которые увлеклись ее добренькими обещаниями, жестоко поплатились за свое доверие. Хозяйничанье австро-германского штыка в корне убило всю ложь социал-шовинистов, окончательно обнажив действительную физиономию Центр. Рады и ее Генерального Секретариата. Ненависть обманутых масс, накипавшая под влиянием насильнических действий завоевателей, ежеминутно готова была обрушиться на головы предателей. И если правительство Рады погибло не от руки обманутого народа, то только потому, что за его спиной услужливо стоял немецкий штык. Не говоря уже об объективной невозможности существования правительства авантюристов, Центр. Рада должна была сойти со сцены в тот момент, когда Эйхгорн почувствовал себя хозяином завоеванного края. Слуга крупных хищников расчищал дорогу империалистам, с презрением взиравшим на потуги буржуазного мещанства. Вступая в роль хозяина, крупный германский капитал и представители национально-украинской буржуазии должны были очистить дорогу. Ц. Рада и ее правительство уничтожены за ненадобностью и на их место империалистами создана власть Скоропадского. Украинская буржуазия остается снова за бортом. Германским империалистам нет расчета усиливать отечественную буржуазию,—им необходимо иметь безличную и послушную государственную власть, которая будет делать то, что прикажут. Во главе правительства поставлен николаевский слуга, переряженный в национальный костюм. На долю же украинской буржуазии выпадает честь быть маклером между порабощаемым и ограбленным народом и германскими империалистами. И эту почтенную роль она принимает, в надежде на будущие блага. Политически раскрепощенная, но экономически задавленная, украинская буржуазия обречена на тяжелое существование, на ее долю остаются старые средства, испытанные еще в долгие годы николаевской эпохи: услужливость и покорность. Освобожденная австро-германским штыком, она идет единым фронтом со всеми врагами революции, пока почувствует себя достаточно сильной, чтобы, воспользовавшись моментом, взять в свои руки всю полноту государственной власти.

V.

Самостоятельная Украинская республика, со-отношение сил и партий.

Над истерзанной, залитой кровью революционного народа Украиной развѣвается флаг победителя—символ порабощения украинского народа австро-германским капиталом. Господство германских хищников принесло с собой полное уничтожение всех завоеваний революции. Удушить, смести вообще с лица земли Советскую власть стало одной из первейших задач поработителей. Но для наиболее успешного искоренения революционной заразы, для безконтрольного хозяйничанья и полного экономического и политического порабощения края империалистами потребовалось совершенно отрезать Украину от России. Только при условии существования вполне „самостоятельного“, независимого от России государства создается возможность изолировать Украину от развращающего влияния Советского государства. Россия с Советским правительством—почти нетерпимый сосед для Украины с самодержавным режимом, дружно вводимым поработителями германских и украинских контр-революционеров. Им необходимо воздвигнуть покрепче стену, вырыть поглубже ров между трудовым народом Украины и Великороссией, дабы ничто не долетало до ушей угнетенных братьев-украинцев из свободной жизни России, дабы можно было получше сковать украинский народ, заставить его покорно и терпеливо служить капиталу. И германские империалисты с помощью всех тех же шовинистов делают все, чтобы только разорвать тесно сросшиеся области, устанавливая между ними крепкие границы. Украина объявлена самостоятельным государством, изданы предварительные законы внутреннего управления.

Но не так легко изолировать Украину от России, сросшеюся с нею тысячью нитями. Несмотря на то, что все враги революции работают единым фронтом, за Эйхгорном и Ше-

лухиним стоят Милюков и К°, почувствовавшие непреодолимое влечение помочь укреплению и оформлению Украинского государства, все же работа изоляции подвигается медленно. Российская буржуазия не забыла ею так часто повторявшиеся в прошлом весьма веские соображения на счет того, что при существующей хозяйственной связи Юга с Россией отделение его может крайне пагубно отразиться на всей промышленной жизни края, и если она все же деятельно принялась за работу, то только потому, что ей необходимо создать себе оплот, крепость против Советской России. Такой оплот буржуазия рассчитывает найти в самодержавном Украинском государстве, создаваемом австро-германским штыком. С помощью этого штыка, огражденная самодержавными порядками молодого государства, она надеется окрепнуть и вернуть свои права не только на Украине, но и в Великороссии. Под крылышко Скоропадского в молодом государстве Украинском спешно съезжаются все промышленные тузы России. Устраиваются совещания, съезды с целью выработать наилучшие формы борьбы с ненавистным врагом—Советской Россией. Русская буржуазия, разбитая и бессильная предпринять что бы то ни было собственными силами, услужливо предлагает свое время и знание германским дипломатам в трудной работе созидания помимо воли народа национального государства. С волей народа можно не считаться, когда есть сильный штык. Ее не останавливает пагубная для нее система германских империалистов, проведенная с успехом в Польше и широко применяемая в настоящее время на Украине,—система полного удушения промышленности оккупированных областей. Национальное государство необходимо ей сейчас так же, как и германским империалистам для укрепления своей мощи. Сплотиться, создать свою армию, подсчитать свои силы, прежде чем вступить в открытый бой с революционной Россией,—как утопающий хватается за соломинку, так и русская буржуазия за самостоятельную Украину, выбора у нее нет: или сложить оружие перед Советской Россией, или лакействовать в надежде на счастливый случай и подачку у германских империалистов. Последнее избрала украинская и часть российской буржуазии, горячо принявшись за работу строительства независимого от России „самостоятельного“ Украинского государства.

Образование буржуазно-помещичьего государства, вассала германских империалистов, принесло украинскому рабочему и крестьянину все права и привилегии николаевского времени—порку, пытку, карательные экспедиции, расстрелы, виселицу, нищенское полуголодное существование и обязательную работу на помещика, заводчика и фабриканта. Эти

„новые“ права и привилегии в новом „своем“ государстве не могли прийтись по душе широким народным массам. Работа Эйхгорнов и Скоропадских, работа созидания „своего“ государства не встретила сочувствия масс. Эта работа несомненно содействует ликвидации идеи национального объединения, окончательно вытравливая в широких массах стремление к какой бы то ни было национальной обособленности. То, что творится сейчас на Украине, кажется невероятным для 20 века и ни в какой мере не может содействовать развитию „самостийнических“ желаний. Поджоги деревень, удушение громадных сел удушливыми газами, расстрел сотен заподозренных в сочувствии Советской власти, разгром всех рабочих организаций, массовые аресты профессиональных работников, принудительные работы, высылка в Германию на обязательные работы,—все это проводится в широких размерах. Отгородившись от Советской России и прикрываясь „своими“ особыми законами, поработители свободно творят свое темное жестокое дело. Пролетариат массами покидает давно насиженные места, расползаясь кто куда может. Советская Россия для этих измученных, терзаемых является ярким светочем. И никогда он не был таким горячим противником отделения, как сейчас, и никогда он не рвался так всем своим существом к России, как теперь, когда Украина считается „самостоятельным“ государством. Его рабочие и крестьяне стремятся разрушить стену, воздвигнутую контр-революционерами между Украиной и Великороссией. „Единая Советская Россия“—вот лозунг рабочих и крестьян Украины.

Но „самостоятельное“ Украины государство нужно, как мы уже отчасти указывали, империалистам Германии и горячей противнице отделения буржуазии российской. Необходима каждому для своих целей—германским империалистам—чтобы пресечь заразу, медленно, но упорно ползущую на запад, и иметь неограниченную возможность хозяйничать в завоеванном крае, российской буржуазии—чтобы создать оплот против Советской России и восстановить себя в правах. Очевидно, что в борьбе с Советской Россией их пути сходятся, но что же касается стремлений российской буржуазии восстановить все свои права и привилегии, то здесь германские империалисты предпочитают не делить добычу и устранить лишнего претендента на богатства завоеванных областей. В этом направлении ведется вся их политика на Украине, чтобы выкачивать из оккупированных областей хлеб, сырье и все необходимые для Германии продукты, им нужен безличный, послушный государственный аппарат, и с этой целью создается правительство Скоропадского. Правительство, создан-

ное хищниками империалистами против воли большинства народа, не имеющее социальных корней, не имеет будущего и является послушным орудием в руках своего господина. Правительство, во главе которого стоит николаевский слуга, сторонник старого, до основания разрушенного самодержавного строя, опирающийся на весьма тонкий слой крупных землевладельцев и кулаков, может держаться только создавшим его германским штыком. Тот незначительный слой, который услужливо поддержал его в момент созидания, не может служить ему опорой. Крупный землевладелец и деревенский кулак с падением правительства Николая повисли в воздухе и никакой реальной силы не представляли. При таких условиях посаженное на головы завоеванного народа правительство может держаться только штыком победителя. Внутренняя шаткость и неустойчивость этого детища германского империализма усиливаются патриотической работой Шульгина и К°, мечтающих о возрождении Российского самодержавия.

Самодержавие, которое сбросит германское господство, снова возродит единую Россию. Такое самодержавие, по мнению Шульгиных, а также национал-демократов, имеет сторонников в массах и может быть снова восстановлено. В этом направлении они ведут свою политическую работу, разрушающую трон Скоропадского. Неудача, постигшая двуглавцев на первых же пробных шагах, не охладила верных российских патриотов. Что из того, что на призыв читаемого во многих городах в церквах анонимного воззвания о восстановлении самодержавия откликнулись только богомольные старушки и юные гимназисты, когда Шульгин и его сторонники глубоко верят в народную жажду самодержца. Беспочвенные, так же как и Скоропадский, они обречены на медленное вымирание. С самодержавием Николаевским на Украине, как и во всей России, окончательно и бесповоротно покончили. Нет той почвы, которая бы питала его. Незначительный процент помещиков, крупных землевладельцев и кулаков—оплот самодержавия (два последних в каждый момент могут поддержать буржуазию) в ходе политической борьбы в настоящую эпоху не имеет ровно никакого самостоятельного значения. Самодержавие со своим государственным аппаратом и верным войском отжило и отошло в область истории. Самодержавное правительство может существовать, как игрушка в руках империалистов, самостоятельного значения иметь не может, не в силах. Правительство Скоропадского создано германской буржуазией, сильно ее силой и умрет в тот момент, когда сила австро-германского штыка поколеблется.

Искусственно продлить жизнь германского детища, при некоторых обстоятельствах, может также не имеющая самостоятельного значения российская буржуазия, задачи и цели которой—использовать „самостоятельность“ Украинского государства в своих классовых интересах. Эти задачи диктуют ей политику временной поддержки правительства Скоропадского, хотя бы поддержки больше по внешности, дабы самой иметь возможность, не беря на себя ответственности, беспощадно расправиться с революционными массами Украины и использовать австро-германский штык против Советской России. Эти соображения заставили ее вождей, на предложение войти в министерство, галантно расшаркаться, заявив, что входить, как партия, воздерживаются, но сотрудничать, как отдельные лица, не отказываются. Кадетские дипломаты выигрывают время. Сторонники, как и Шульгин, единой неделимой России, они выжидают удобного случая, надеясь на свою жизнеспособность и силу европейских войск. Общими усилиями они рассчитывают задушить Советскую Россию и на ее обломках воздвигнуть свою государственную власть—власть крупного капитала. Но расчеты ее также беспочвенные, как и розовые надежды Шульгина. Выбитая из колеи, в полуразрушенных предприятиях, без сырья, рабочих рук и с окончательно дезорганизованной денежной системой, в обстановке невероятно обострившейся классовой борьбы, российская буржуазия, так же как и феодалы, не имеет социальных оснований. Без власти, без устойчивой экономической базы и без войска, подчиненная целиком силе германского штыка, она бессильна вести активную самостоятельную политическую борьбу. Ее участь—лакействовать перед европейскими империалистами, пользоваться счастливым случаем действовать из-за угла. Перспективы не из блестящих. Но нарастающее движение ограбляемых немецкими хищниками крестьян подогревает не только Шелухиных, мечтающих о своем государстве, но и Милюковых к спешной подготовительной работе в надежде на счастливый случай. Каждый мечтает, что если германский штык не выдержит напора революционных масс и войска дрогнут, то можно попытаться захватить власть, немедленно предложив германским империалистами дружескую сделку. Такой случай вполне возможен, но он вряд ли принесет желанные результаты. Шаг назад германских империалистов будет означать не что иное, как поражение могущественной немецкой армии, это будет учтено пролетарским движением и вызовет могучую революционную волну, которая не только сметет буржуазию на Украине, но основательно покачнет немецкий трон. Можно сказать с безо-

ошибочностью, что в момент отступления германских войск не только украинская, но и российская буржуазия будет разбита и отброшена от государственной власти единственной могучей силой, имеющей и настоящее и будущее,—рабоче-крестьянским движением.

Работу Эйхгорна, попытки Шульгина и игру Милюковых может прекратить только наростающее революционное движение рабочих и крестьян. Мелкая городская и деревенская буржуазия в настоящее время бессильнее, чем когда бы то ни было и не имеет никакого влияния на ход развития политических событий. Ее оплот—Рады, спилки, Городские Думы, земские и городские союзы, земства, кооперативы и пр. демократические учреждения окончательно разрушены самодержавным режимом Скоропадского и господством политики крупного капитала. Мелкая буржуазия, экономически совершенно обезкровленная и политически безличная, зависимая от империалистов Германии и отечественной буржуазии, колеблется между теми и другими, стараясь угодить каждому. Ея идеологи, молчаливо поддерживающие Эйхгорна и покорно мирясь со всем самодержавным режимом, лакеи буржуазии, гневно обрушиваются на революционных рабочих и крестьян, заявляя, что это грабители, руководимые большевиками, которые „уже оставили в истории след, как предатели демократии, как растлители свободы". Принимая „самостоятельность" Украинскаго государства в серьез, они недовольны министерством Скоропадского. Их не покинули мечты о действительном национальном правительстве, надежда на возвращение Рады еще не угасла. Петлюра из кожи лезет вон, чтобы укрепить земства, создав из них себе оплот, а угодливая „К. М.", пытающаяся услужить всем, лакействующая перед российской буржуазией, ворчит по поводу нового правительства, пообещавшего установить „государственный порядок и в условиях полного спокойствия и истинной свободы довести страну до созыва народного представительства", а в действительности только перевернула „страницу истории" назад. „Мало творческого,—говорит передовик „К. М." от 30-го мая 18 г.,—в том, что страницы истории перекинули назад и думают начать политический курс с того, на чем он был оборван 27-го февраля, нужно, наконец, чтобы взялись за творческую работу все живые силы страны, и, конечно, эти живые силы каждый видит там, где ему выгодно. Принимая диктатуру империалистов и самодержавный режим Скоропадского, прихвостни буржуазии, как спасение от „неучей господ коммунаров", оттолкнувших их от революции, пытаются общими силами в дружеском сотрудничествѣ с

российской буржуазией создать условия экономического и политического благополучия. Еще решительнее, чем в период Керенского, они держатся за полу буржуазии, позволяя себе только дружескую критику и мягкие указания по поводу тех или иных шагов. Страх и опасения за силу своего господина заставляют верных сотрудников с тревогой восклицать: „Класс, исторически созданный для того, чтобы теперь стать у власти... развращен долгими годами самодержавия“... „отказывается понимать свои задачи...“ „готов реставрировать все старое“... „и этим прежде всего рубить тот сук, на кототом сидит“ [1]). Дружески критикуя и негодуя, лакеи буржуазии всех цветов и рангов в то же время покорно уходят с дороги, когда их бесцеремонно выталкивают, и со смирением, заслуживающим лучшей участи, заявляют, что, „понимая тяжелое положение“, они готовы покориться“ (см. „К. М.“ от 27/V, перевыборы Одесской Г. Думы). Мелкая буржуазия, привыкшая пресмыкаться перед сильными, колеблющаяся между революционным классом и контр-революционным, сделала свой выбор,—в настоящее время положение настолько выяснилось, что никаких колебаний не может быть. Октябрьский переворот, поставивший у власти Рабоче-Крестьянское правительство, показал ей, что победа пролетариата и беднейшего крестьянства не создает условий для развития и господства мелких собственников и что их надеждам суждено умереть. Ясность задач пролетариата выявила и кристаллизовала задачи мелкой буржуазии. Не имея собственных сил и связанная общностью интересов,—интересов собственного кармана, она идет с буржуазией, рассчитывая поживиться крохами с ее победного стола. Но, отрезанная от революционных масс, численно незначительная, затерянная в стане контр-революционеров, она не представляет никакой силы. С ней никто не считается, ни справа ни слѣва, ее просто не замечают. Она умерла и не воскреснет.

Совсем другое положение и настроение пролетариата и беднейшего крестьянства нынѣ „самостийной“ Украины. Разгромленный самодержавным режимом, разрозненный и выброшенный на улицы рабочий и ограбляемый и насилуемый крестьянин остаются верны себе, не малодушествуют и не просят пощады. Революционное движение на Украине ширится и нарастает с каждым днем, с каждым часом. И это движение имеет плодотворную почву и глубокие корни. Корни в самой гуще крестьянской бедноты, грудью отстаивающей свой хлеб. Отмена всех завоеванных свобод, голодная

---

[1]) Передовая „К. М.“ от 18/V 18 г.

заработная плата и невероятное вздорожание продуктов первой необходимости, полное политическое бесправие и возвращение всех привилегий помещикам и фабрикантам служит богатейшей почвой для правильного понимания своих классовых задач. При этом, принимая во внимание, что на Украине рабочий класс, опирающийся на крестьянство, представляет значительный социальный слой, во много раз превышающий все остальные группировки, вместе взятые, необходимо признать, что это та сила, с которой должен будет считаться германский владыка. Мы можем безошибочно сказать, что это единственная сила, представляющая серьезное значение и влияющая на ход политической жизни Украины. Хотя рабочий класс на Украине до настоящего времени не имел самостоятельного значения в революционном движении и жил больше отзвуками Петрограда, но непрекращающаяся обостренная гражданская война с мартовской революции толкала его к спешной мобилизации своих сил и самостоятельной выработке форм борьбы. Слабо организованный, с небольшим запасом революционного опыта, он еще осторожен в решении способов борьбы; что касается цели и необходимости готовиться к последнему решительному бою, то в этом отношении никаких сомнений нет. Еще в мае (25-го) на съезде профессиональных союзов[1]) рабочий Жуков, возражая политикам мелкой буржуазии, говорил, что „рабочий класс должен добиться власти. В последнем единственное наше спасение. Заветная наша мечта: вся власть Советам“. Уже тогда намечались и формы борьбы. Так, тов. Пирогов, тоже возражая правым, указывал, что не все потеряно, что революционная психология крестьян готовит восстание. Он верит, что это восстание будет, и рабочие вновь будут стремиться к захвату власти“, а вывод ясен,—спешная дружная подготовка сил. Но несмотря на отчетливое понимание, распыленность рабочих в связи с остановкой предприятий и сила врага заставляли его быть крайне осторожным, тем более что условия создались с покорением Украины для пролетарского движения крайне тяжелыя. Кроме всех гонений остановка предприятий распыляет пролетариат, гонит его, как „не имеющего отечества“, туда, где имеется заработок, а это ослабляет, расстраивает сплоченные рабочие кадры, имеющиеся в каждом промышленном центре юга.—Ослабляет, но не обрекает рабочего на паразитическое существование. Жизненность и рост его мощи уже сейчас не только заметны, но и дают себя знать. Возьмите любой номер той же „К. М.“ и вы найдете целый ряд сообщений,

---

1) См. „К. М.“ от 26-го мая 1918 г.

указывающих на колоссальный рост революционного движения и не только среди прикованных к земле крестьян, но и в рабочих массах.

Растерянность первых дней исчезает и надежда на лучшие времена, на скорую возможность сбросить поработителей растет и крепнет с каждым днем. Вера в свои силы, в победу рабоче-крестьянской революции возвращается, укрепляя и сплачивая революционные ряды пролетариата. Та неуверенность в своих силах, что имела место в рабочих массах в период борьбы за сохранение Советской власти, и та слабая надежда, что теплилась в крестьянских массах, „авось и при немце удержимся“, слетела бесслѣдно. Сейчас рабочий класс Украины спешно готовится к бою, выковывая стойкий пролетарский авангард: нарастающее крестьянское восстание, железнодорожная забастовка, солидарности в Харькове и др. городах показывают, что движение идет не только в ширь, но и в глубь, захватывая весь пролетариат Украины. Выступление железнодорожного пролетариата, менее всего готового к решительной борьбе, и все разростающиеся местные крестьянские восстания подтолкнут пролетариат промышленных центров Харькова, Екатеринослава, Николаева и всего Донецко-Криворожского района и заставят его стать во главе движения и взять на себя все руководство назревающим решительным боем.

Если среди рабочего класса Украины в первые дни немецкой оккупации наблюдались растерянность и массовый отъезд в Советскую Россию, то о крестьянстве этого совсем нельзя сказать. Прикованный к своим кусочкам земли он также бессилен, как узник, прикованный к своей тачке. Оставить, уйти, бросить кровью и потом добытую избенку и кусок перепаханной земли выше сил его. С другой стороны, снова помещичья петля и все былые унижения дѣлают его существование невыносимым, и он мечется точно затравленный волк в поисках выхода. Сжигает помещичьи усадьбы, вырезывает целые семьи „панов“, убивает милиционеров, взрывает железнодорожные пути, устраивает крушения поездов, на организованный террор завоевателей отвечает неорганизованным террором, народным гневом. Но чем дальше, тем глубже движение, и то в одном, то в другом захолустном уголке отдельные столкновения переходят в сражения, принимая характер местного восстания. Ненависть, злоба против хищников, грабящих деревню, переполнила чашу терпения раба-крестьянина: она ищет себе выхода, прорываясь в

---

[1] С[illegible] М.“

отдельных вспышках. Настойчивая упорная борьба, медленная подготовительная работа, в которой закаляется пролетариат, учится выжидать и быть в момент, наиболее выгодный для него, а не для противника; сдержанное и сознательное отношение ко всем провокационным приемам врага крестьянину еще не по силам. Он идет напролом. Плохо вооруженный и слабо связанный друг с другом, идет против хорошо вооруженного и сплоченного врага, но идет потому, что терпеть „нет моченьки", а кроме того, путь организованной упорной борьбы ему еще чужд.

Стихийность, неорганизованность может погубить движение. Правда, наш крестьянин много пережил за период борьбы с Петлюрой, немецким наступлением, Эйхгорном и Скоропадским, многому научился, но все же выдержки у него еще мало. Крестьяне научились понимать происходящие события, отличать своих друзей и видеть ясно цель, к которой они идут. Поняли также, что путь, по которому надо итти, должен указать рабочий, завоевавший свободу и землю и потерявший ее только по вине его—крестьянина, думавшего: „авось обойдется все". Сознание своей ошибки, сделанной не по злой воле, а по „неразумению", внушает больше веры к рабочим, сближает их, спаивая в единую пролетарскую семью. Теперь украинский крестьянин ждет с громадным нетерпением, когда рабочий позовет его в бой с насильниками. Своей отчаянной решимостью бороться и верой в победу он зажигает пролетариат Украины, вселяя в него уверенность в победе. Сила, крестьянская сила, нетронутая, направленая организованной опытной рукой пролетариата, может дать невиданные результаты—пробить брешь в непобедимой германской армии. Но если в начале робкие вспышки будут принимать все более и более широкие размеры и выльются в стихийное крестьянское восстание, которым пролетариату не удастся завладеть, и оно пойдет через голову организованного пролетариата, тогда победа империалистов неминуема. Колоссальный авторитет пролетарской партии в деревнѣ заставляет думать, что вторая возможность менее вероятна. Во всяком случае, нарастание революционных сил на Украине громадно и сила, стоящая против завоевателей, настолько значительна, что империалистам Германии придется не раз подумать над тем, как бы выйти из создавшегося положения, не потеряв головы. Германские империалисты зарвались и, если пролетариат не подастся на их провокационные приемы и не выступит прежде времени, то Украина будет началом конца владычества германских хищников.

Победа или поражение будут в значительной степени за-

висеть от того, какая партия станет во главе нового революционного движения. Попытки завладеть протестантским настроением масс будут делать и делают многие и даже предатели из Ц. Рады, преблагополучно сотрудничающие со Скоропадским. Правда, шансы последних невелики, мелко-буржуазный блок Ц. Рады распался -Петлюра, сотрудничая со Скоропадским, пытается организовать против него демократию земства, земских и городских союзов, а украинские социал-шовинисты с российским Балабановым и Рофесом только мирятся с ним, всячески пытаясь завладеть рабочими массами; рассчитывая на усталость и подавленность пролетариата в связи с поражением, они думают повернуть колесо истории назад, возвратиться ко временам Керенского. Пролетариату предлагают отбросить революционную тактику и „вести борьбу методами, которые применял рабочий класс до октябрьскаго восстания, т.-е. сотрудничанье с буржуазией, которая может стать снова оппозиционной". Эти палачи революции, предатели рабоче-крестьянской Украины, открывшие двери германским империалистам, имеют еще столько наглости, чтобы представить все дело так, будто революция погибла по вине большевиков, применявших метод, совершенно "немыслимый в полуземледельческой стране", и предлагают [1]), „решительно отвергая всякие попытки повторения (революционных Е. Б.) опытов в этом направлении (социалистических преобразований Е. Б.), как ведущих к дезорганизации народного хозяйства (читай буржуазного хозяйства Е. Б.), напречь все усилия в борьбе за сохранение завоеваний революции". Наглецы! После того, как их руками австро-германские войска задушили революцию, загнали рабочего в подполье и от всех завоеваний оставили только одно воспоминание о былом, г. Наумов, лидер социал-предателей, имеет смелость, чтобы не сказать больше, предлагать пролетариату заняться работой сохранения—чего?—вероятно, воспоминаний о прошлом. Новое шарлатанство старыми средствами. Новый фокус, чтобы надуть рабочие массы, пользуясь удобным случаем. Старый взгляд, развиваемый так энергично в период Керенского, что пролетариат еще не вырос, ему нужна нянюшка, в лице г. Наумова или г. Рафеса, которая укажет ему, беспомощному, куда итти и что делать. Но слуги буржуазии ошибаются. Пролетариату опека не нужна. Рабочий класс Украины уже два раза за год революции сбросил со своего пути гг. Наумовых и сумеет без труда сбросить

---

[1]) Резолюция г. Наумова на съезде професс. „К. М." 27/V 1918 г.

и в третий раз, в последний раз. Если в мае, в момент злейшей реакции, на меньшевистском съезде—это кое-что говорит -делегаты энергично протестовали во время речи г. Наумова, его заявление—даже по сообщению „К. М.“— что „гибель русского государства является отчасти (!?) последствием большевистской тактики“, вызвало шум и протесты, совершенно заглушившие голос председателя. Это было в мае, в момент черной реакции, то можно предвидеть, что будет с ростом революционного движения. Будет то, что было в январские дни у нас и сейчас во всей России; одно появление этих предателей в рабочей среде вызывает бурю негодования. Лакеи буржуазии-предатели революции трагедией, разыгрываемый на Украине, разоблачены, раскрыты до основания, больше им не удастся увлечь за собой рабочие массы.

Но кроме российских социал-предателей, мы имеем еще и украинских „щирых украинцев“, которые уязвлены в лучших своих чувствах разгромом Рады. Они рассматривают предательский шаг Рады так же, как и первые, необходимостью, так же, как первые, видят спасение в Учредительном Собрании, но различие их в том, что российские социал-предатели видят сейчас в Украине спасение своих идей во всероссийском масштабе, а украинские социал-предатели действительно мечтают о своем национальном Учредительном Собрании, до остальной России им дела нет. Скоропадский нарушает их заветные мечты — мы сами господа в своем „кутке“, и они решили уйти в подполье и повести работу против Скоропадского за национальное Учредительное Собрание. Но эта националистическая работа, под лозунгом Украинского Учредительного Собрания, никогда, даже в самый острый момент национального подъема, не пользовавшегося популярностью, не принесет желанных результатов. На эту удочку поймать жестоко обманутого Ц. Радой рабочего и крестьянина больше не удастся. Рада умерла, не воскреснет и идея национального единения.

Как партия меньшевиков и соц.-рев. умерла вместе с Радой, так эти социал-шовинисты окончательно умрут вместе со Скоропадским. Идея своей национальной государственной власти в корне убита всем самодержавным режимом нового правительства. Украинское Учредительное Собрание не воскреснет, как и Российское. Рабочий и крестьянин Украины стремятся к завоеванию Советской власти, и только в ней одной они видят освобождение для себя. Всякие национальные учреждения Ц. Рада и Учредительное Собрание— будут приняты массами, как новый обман. Уже сейчас в рабочих и крестьянских массах широко привилось то мнение, что национальное обособление придумали „паны да

буржуи“, чтобы вернуть себе землю и снова ездить на горбе у трудового народа. Снова поймать в национальную ловушку не только рабочих, но и крестьян не удастся. Теперь крепко сознание, что только вместе рука об руку с рабочим и крестьянином России нужно бороться против украинской и российской буржуазии, что только единым революционным фронтом можно удержать Советскую власть и только той партии будет доверие, которая во все время российской революции беспощадно била буржуазию, отстаивая Советскую власть. Такой партией у нас, на Украине, как и во всей России, была только р. коммунистическая партия (большевиков). Только коммунистам массы поверят и пойдут за ними. Характерны в этом отношении разговоры деревни: „Когда придут большевики, мы все, как один, их поддержим“, или наказ делегатам от схода: „Скажи большевикам, чтобы шли смело, мы все с ними“. Большевиков знает деревня и их она ждет.

Левые социал-революционеры, как партия, на Украине не пользуются никаким вниманием. Не будучи, до последнего момента легального существования организационно спаянные, они не могли руководить революционным движением. Значительное число голосов на Всеукраинском с'езде Советов в Екатеринославе—простая случайность, возможная в той ненормальной обстановке, в какой происходил с'езд. Не последнюю роль в этом сыграли генералы, покинувшие Сов. Нар. Коммисаров и эмигрировавшие на Украину. Их двусмысленная позиция к так называемым „левым“ радовцам, срыв Нар. Секр. в Киеве и уход из Советского Правительства в Екатеринославе не способствовали развитию влияния в массах. Вся напряженная борьба с австро-германскими войсками прошла через их головы, несмотря на воинственный пыл и принципиальное противление Брестскому миру, под флагом большевизма. И до последнего момента крестьянин Украины знает только большевиков и ждет только их. Последняя авантюра л. с-р. в Москве и др. городах России перекатится и на Украину и там вызовет осторожное отношение к этой партии. Только коммунистам рабочие и крестьянские массы поверят и только за ними пойдут. Партия, с первых дней революции стоящая в первых рядах ее и до последней минуты руководившая борьбой за Советскую власть, пустила глубокие корни, и никакия кары Скоропадских и Эйхгорнов не вытравят ее влияние в народных массах. Партия коммунистов (большевиков) и на Украине, как и в России, пойдет во главе новой пролетарской революции.

Заключение.

Трагедия Украины, в нашу эпоху ожесточенной классовой борьбы, социалистических преобразований и кануна мировой революции,—это трагедия всех маленьких народов. В тот момент, как волна пролетарской революции захватывает рабочий класс угнетенного народа, буржуазия и социал-шовинисты пытаются и пытались—Украина, Финляндия, Латвия и др.—сорвать пролетарское движение посредством разжигания национальной идеи,—идеи своего национального, исторически принадлежащего только этому народу. Спекулируя желанием эксплоатируемых рабочих и крестьян освободиться от гнета эксплоататоров, национальная буржуазия, действуя непосредственно и, главным образом, через верных слуг социал-шовинистов, пытается направить движение через свои головы, возбуждая вражду против „господствующего" народа. Тщательно прикрываясь интересами нации, под видом борьбы за освобождение угнетенного народа, ловкие дельцы закрепляют свое господство. Мелко-буржуазные начинания, социал-буржуазные начинания социал-шовинистов—встречают самое живейшее сочувствие „людей дела", так как для них совершенно очевидно, что эти национальные учреждения, сливающие народ в одно целое, служат скрепами буржуазного общества. Работа националистов охотно поддерживается даже господствующей буржуазией, как гарантия ее дальнейшего существования. Всячески изворачиваясь, спасаясь от диктатуры пролетариата, буржуазия цепляется, как утопающий за соломинку, за все старые пережитки, расчитывая на них изловить своего смертельного классового врага. Как опытный рыбак привлекает форель искусственной бабочкой, так буржуазия играет ярко расцвеченным национальным освобождением, пытаясь поймать пролетарскую революцию на золотой крючок буржуазного господства. Стремления националистов использовать

идеи национального освобождения против трудящегося народа заставляют нас сейчас с исключительной настойчивостью подчеркивать наше старое революционное требование: „пролетарии всех стран, объединяйтесь“.

Российская революция, подчинившая буржуазию и сделавшая первый и гигантский шаг к социалистическому преобразованию общества, нашла живейший отклик в рабочих массах всех угнетенных наций, населяющих окраины, и тем самым убила идею национального объединения народов. Пережив вместе с российским пролетариатом самодержавие, свергая вместе Керенского и наконец борясь вместе за Советскую власть, пролетариат окраины тесно сроднился со всем революционным движением России. У него нет особых, чуждых российскому пролетариату задач, он неразрывно связан с ним едиными стремлениями, он горит непреодолимым желанием слиться с Советской Россией.

Победа контр-революции и новая борьба за Советскую власть еще больше обострила и поставила ребром вопрос об объединении рабочих и крестьян национальных областей с пролетариатом России. И в противовес сепаратским стремлениям поработителей, пытающихся создать „независимое“ государство, рабочий и крестьянин Украины требует и добивается единой Советской России.—Борьба за слияние с революционной Россией ставит на очередь дня на Украине новую революцию.

Период борьбы за Советскую власть углубил классовые противоречия, глубоко расщепил нацию на два враждебных друг другу класса. Гражданская война вскрыла обман националистов, рассеяв националистический угар обманутых масс, а победа контр-революции и возвращение всех самодержавных порядков в форме национального государства окончательно убили национальную идею, с корнем вырвав ее из крестьянских масс, углубили гражданскую войну, поставив на очередь дня с особенной остротой вопрос пролетарской революции.

Рабочий и крестьянин оккупированных областей прозрел в борьбе с империалистами Германии—он проложит путь к мировой революции, в которой национальным объединениям и национальным требованиям нет места.

Борьба с европейской буржуазией спаивает пролетарскую революцию с мировой, связывая революционное движение Украины со всем международным настолько тесно, что удача или поражение на Украине немедленно вызовут громадное изменение в международных отношениях и прежде всего

скажется на соотношении сил борющихся классов.—Разгром германской армии, поражение сильнейшей группы империалистов будет означать, что какие бы изменения ни произошли, а в международном масштабе пролетариат выиграл. Самоотверженная, отчаянная борьба порабощенного народа Украины втянет пролетариат и Австрии в русло революционной борьбы, приближая народы мира к решительному бою.

Тесная связь нашего революционного движения с международным возлагает на товарищей коммунистов, работающих на Украине, громадную ответственность за дальнейший ход мировой революции. А эта колоссальная ответственность должна заставить нас в настоящий момент относиться с особенной вдумчивостью к нашей тактике. Необходимо учесть опыт октябрьской и январской борьбы, дабы избежать тех роковых ошибок, что были допущены в прошлый период нашей борьбы с украинской и германской буржуазией. Пользуясь опытом прошлого, колоссальным авторитетом партии коммунистов (б-к.) и тем неиссякаемым доверием, которое хранят в себе рабоче-крестьянские массы, нам не трудно будет стать во главе движения, подчинить его своей воле.

Стихийное революционное движение на Украине должно наших товарищей коммунистов заставить с особенной осмотрительностью относиться к намечению форм борьбы. В стихийное движение мы должны влить живую душу, а для этого необходимо совершенно ясное и отчетливое понимание стоящих перед нами задач. Нервность и увлечение, так же как и недооценивание революционных сил и возможностей, может крайне гибельно отразиться на ходе нарастающей революции на Украине.

Протестантское движение крестьян необходимо направить в русло классовой борьбы, с ясным требованием восстановления Советской власти рабочих и крестьян. Это стихийное крестьянское движение необходимо подчинить пролетарской борьбе труда с капиталом. Но имея перед собой выбитый из колеи рабочий класс, нам придется положить немало труда, чтобы выковать рабочий авангард, способный стать во главе восставшего украинского народа. Эта задача большая и не легкая. Но мы должны ее выполнить, так как от выполнения ее зависит судьба порабощенных рабочих и крестьян. При этом мы должны помнить, что всякое промедление в нашей работе ведет к укреплению империалистов, уничтожению промышленности оккупированных областей и тем самым уничтожает сплоченный рабочий класс, единственно способный подчинить себе эксплоататоров, установив диктатуру пролетариата.

Организовывать и направлять революционное движение подымающихся масс, не забывая при этом, что победа наша в силе Советской России и всего международного рабочего движения—вот наша ближайшая и основная задача!

Евгения Бош.